

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

НЕПРИСТУПНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Стержень обороны

ГЕОРГИЙ
САВИЦКИЙ

Героическая фантастика

Георгий Савицкий

**Неприступный Севастополь.
Стержень обороны**

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савицкий Г. В.

Неприступный Севастополь. Стержень обороны /
Г. В. Савицкий — «Махров», 2019 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-103495-5

Военный пенсионер подполковник-артиллерист Алексей Лещенко и в страшном сне не мог представить, что в XXI веке ему снова придется брать в руки оружие, чтобы воевать с фашистской нечистью на родной земле Донбасса. Он командует батареей отбитых у карателей гаубиц Д-30. Но страшной морозной зимой 2015 года на Светлодарской дуге вражеский снаряд прерывает боевой путь старого артиллериста. Но какая-то добрая сила дает ему второй шанс – сознание Алексея переносится в далекое прошлое, в 1941 год. Теперь капитан Лещенко – командир знаменитой 35-й береговой батареи города-крепости Севастополь. И в его руках сконцентрирована огромная мощь. Сумеет ли Алексей переломить ход войны, разогнать огнем своих крупнокалиберных орудий полки Манштейна, спасти от захвата «гордость русских моряков»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103495-5

© Савицкий Г. В., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

Георгий Савицкий

Неприступный Севастополь.

Стержень обороны

*Посвящается моему деду, краснофлотцу Георгию Прокофьевичу
Дульскому – участнику обороны Севастополя 1941–1942 годов*

Пролог

Город-крепость тонул в огне пожарищ, тонул во взрывах мощных бомб и дальнобойных снарядов гитлеровцев. Но не сдавался. На рубежах обороны, закусив зубами ленточки бескозырок, в окровавленных тельняшках шли в контратаки моряки-черноморцы. Плотным огнем и острой сталью штыков встречали «черные бушлаты» пехоту Манштейна на подступах к Севастополю.

А через их головы с характерным свистом летели огромные снаряды береговых небашенных батарей. Вместе с эсминцами и крейсерами Черноморского флота они поддерживали контрудары защитников легендарного города-крепости. Огромные стальные хоботы орудий в массивных башнях поднимались на заданный угол возвышения. С командно-дальномерных постов на господствующих высотах приходили строгие колонки цифр. Офицеры на Центральном посту внутри железобетонного массива второй башни вводили данные в приборы управления стрельбой и выдавали углы наведения колоссальным 305-миллиметровым орудиям. Под резкие крики команд и отрывистые звуки ревуна механизированные элеваторы подавали огромные фугасные снаряды и метательные заряды к ним. Цепные досылатели толкали их в ствол.

– Замковой, вставить запальную трубку!

– Есть трубка!

– Заккрыть затвор!

– Есть закрыть затвор!

Огромное тело орудия приходило в движение и замирало в нужном положении.

– Огонь!

С громовым грохотом из дула вылетал снаряд и клубы дыма. Впрочем, внутри самой башни звуков выстрелов было почти не слышно.

Пролетев по пологой дуге тридцать или сорок километров, снаряд поднимал огромный дымно-огненный фонтан взрыва. Тем гитлеровцам, которые находились рядом с эпицентром, можно сказать, везло. Они умирали сразу. Остальных же расшвыривало в стороны в громадном огненном вихре, буквально разрывало на части. Горящие обломки немецкой техники разлетались, как смертоносная шрапнель. Это вдобавок к тем тысячам осколков, на которые разрывался сам чудовищный снаряд. В огромной воронке, которая образовывалась после взрыва, можно было спрятать средних размеров одноэтажный дом.

Тридцать пятая бронешенная батарея Севастополя вместе с тридцатой батареей-«близнецом» уничтожала гитлеровцев батальонами. Два стальных бастиона возвышались над морем

огня и крушили наступающие орды закаленной в боях тевтонской пехоты вместе с пушками и самоходками и прочей техникой. Они даже сбивали самолеты шрапнельными выстрелами. Во многом именно они стали причиной того, что генерал-полковник фон Манштейн не стал фельдмаршалом и все-таки *потерял свои победы!*

Глава 1

Война на все времена

Светлодарская дуга стала для защитников Донецкой Народной Республики одним из ключевых рубежей обороны. Бандеровские каратели стремились прорваться к городам Горловке, Дебальцево, Углегорску, Стаханову, устраивали вооруженные провокации и жестокие обстрелы.

Местность на Светлодарской дуге как раз способствовала затяжной позиционной войне: межозерные дефиле, пересеченный характер местности с многочисленными балками и холмами идеально подходили для скрытых маневров. Артиллерия стала главной ударной силой, «Боги войны» ДНР вели контрбатарейную борьбу против бандеровской сволочи, которая использовала гаубицы и крупнокалиберные минометы для обстрела жилой застройки городов республики.

Четыре «Мотолыги» – приземистых гусеничных тягача переваливались на ухабах и рытвинах, тянули 122-миллиметровые гаубицы Д-30. Их прикрывали два бронетранспортера с мотопехотой. Боевые машины были выкрашены серо-белыми полосами и пятнами зимнего камуфляжа.

Командир батареи Алексей Лещенко ругался сквозь зубы, одной рукой держась за скобу, а второй придерживая автомат. Да, тяжело на седьмом десятке выдерживать такие «аттракционы». Но в артиллерии ценятся в первую очередь опыт и знания. И того и другого у военного пенсионера, подполковника Лещенко было в достатке. Советский офицер-артиллерист прошел суровую школу войны в Афганистане, командуя сначала батареей, а потом и дивизионом 122-миллиметровых гаубиц Д-30. Легкие и мощные орудия приводились в боевое положение расчетом из шести человек в считанные минуты и могли оказать огневую поддержку на расстоянии до двадцати километров.

За ту – Афганскую – войну майор Лещенко получил орден Красной Звезды и орден Боевого Красного Знамени. Но ему и в страшном сне не могло присниться, что придется воевать, защищая свой родной Донбасс от орд «желто-блакитных» оккупантов. Свастика «подружилась» с трезубцем и прочно обосновалась на сине-желтых украинских флагах.

Как только в Славянске упали первые снаряды, 65-летний военный пенсионер пришел в Народное ополчение Донбасса. Первые две гаубицы Д-30 они захватили у бандеровского расчета. После чего Алексей Лещенко собрал ребят, которые посмышленнее, и начал тренировать оружейные расчеты. Рассказывал и показывал устройство орудия, приемы работы с артиллерийской буссолью, методы ведения вычислений, ведь артиллерия – наука точная.

Сейчас командир артиллерийского дивизиона лично выдвинулся в составе батареи для подавления позиций гаубиц бандеровских оккупантов. Эта задача требовала ювелирной точности и большого боевого опыта.

* * *

– К орудию! – Четыре гаубицы развернуты в рекордное время, с перекрытием норматива.

Разведывательный квадрокоптер передает картинку вражеских позиций, подразделение охраны рассредоточилось, образовав оборонительный рубеж. Бронетранспортеры и тягачи отведены в балку и замаскированы.

Подполковник Лещенко проводит расчеты стрельбы, используя данные электронного планшета. Да, за последние годы новые информационные технологии существенно упростили жизнь военных. Но знания и опыт все равно являются основополагающими в ратном труде.

Комдив Алексей Лещенко поднес к губам рацию и продиктовал данные для стрельбы. С позиций донесли отрывистые выкрики команд. Номера расчетов зарядили осколочно-фугасные и шрапнельные снаряды. Стволы, увенчанные пламегасителями, поднялись к стылому зимнему небу.

– По бандеровской сволочи беглым – огонь!

Отрывистый грохот орудийных выстрелов поглотил все остальные звуки. Гаубицы содрогались, стволы откатывались, из открытых затворов вылетали дымящиеся, тускло блестящие латунные гильзы.

– Есть накрытие цели с первого залпа!

– Осколочно-фугасным – заряжай. Залп по прежним координатам. Огонь! – Снова стылые серые облака над Светлодарской дугой сотрясаются от могучих выстрелов «Богов войны» Донецкой Народной Республики.

* * *

Протяжный свист пришел с неба, земля вздыбилась огнем и дымом. Фонтаны взрывов взметнулись на артиллерийской позиции артиллеристов Республики. У бандеровских оккупантов, видимо, оказались на вооружении американские радары контрбатареинной стрельбы. Позиция артиллеристов армии ДНР была обречена.

Украинский снаряд взорвался на командном пункте артиллерийской батареи. Потeki крови на грязно-сером снегу, ватная глухота в ушах чудом уцелевших ополченцев. И протяжный крик в едкой пороховой гари:

– Комдива убили!

* * *

Боли не было. Серый металлический потолок, полумрак, узкая казенная койка. «Как я сюда попал?.. Вроде бы шарахнуло на КП батареи, это – последнее что я вообще помню... А может, это морг?.. Но почему я тогда одет и лежу в обычной койке, какие у нас в армии были...» – Мысли наплывали одна на другую неторопливо, словно волны у пологого берега.

Алексей приподнялся на локте и огляделся внимательнее. Небольшое помещение без окон было явно жилым. Чуть дальше от кровати стоял письменный стол, на нем – лампа с зеленым абажуром, в углу – массивный сейф. Рядом с кроватью тумбочка и стул с накинутым на спинку черным с золотым шитьем морским кителем. На жестком деревянном сиденье лежала тяжелая кобура с ремнями из темно-коричневой кожи.

Дальше находился небольшой платяной шкаф. Обстановка была спартанской. Алексей поднялся с койки, подошел к столу. На нем стоял массивный письменный прибор с чернильницей-«неваляшкой», он видел такую в каком-то музее. Да и все напоминало музей.

Но где же он?.. Алексей подошел к стулу, нащупал во внутреннем кармане документы. Раскрыл книжечку офицерского удостоверения с тисненым гербом и аббревиатурой «РККФ» – Рабоче-Крестьянский Красный Флот. На черно-белой фотографии был изображен человек в форме капитана, но китель был старого образца. В удостоверении значилось: «Капитан Лещенко А.Я., командир ББ № 35, Севастопольской ВМБ».

«Надо же, имя и фамилия, как у меня – Алексей Лещенко», – мелькнула мысль.

Все еще держа в руках офицерское удостоверение, Алексей вышел из комнаты. Рядом был устроен небольшой санузел. Пожилой, но еще крепкий мужчина подошел к зеркалу над умывальником, взгляделся в отражение. Выглядел он неожиданно молодо, будто бы скинул десятка три лет. Из зеркальной плоскости на него смотрели внимательно глаза с прищуром – привычные вглядываться вдаль. Тонкий нос с горбинкой на широком лице, упрямо сжатые

губы, ямочка на чуть удлиненном подбородке. Темные, коротко стриженные волосы еще не тронула седина. Но она обязательно появится – и совсем скоро...

Алексей глянул на фото в офицерском удостоверении – одно и то же лицо! Еще он обратил внимание на дату выдачи офицерского удостоверения, машинально пролистал странички, взглядываясь в отметки, а главное – на даты, стоящие рядом.

Покачиваясь, словно пьяный, Алексей вернулся в комнату и присел на расстеленную койку.

Что ж, если это не чья-то шутка (а кто будет так шутить в осажденном Донецке!), то его каким-то неведомым образом «забросило» из прифронтового Донецка в декабре 2014 года в Севастополь – почти что перед началом Великой Отечественной войны! Невероятно – но факт. Похоже, он оказался командиром береговой бронебашенной батареи № 35 – одной из двух, прикрывающих Севастополь. Получается, что он попал в те времена, когда вершилась история его Советского Союза, да что там – история всего мира!..

«Но ведь и в Донецке с 2014 года тоже вершилась новая история его родной земли, родного Донбасса, который и трудился, и воевал с одинаковой самоотдачей», – мелькнула мысль. Да и враг оказался все тем же – что в годы Великой Отечественной войны, что зимой 2014-го на Светлодарской дуге... Все те же ублюдки со свастикой и под все теми же лозунгами о национальном превосходстве.

Эта война – на все времена. Алексей был уверен, что, используя свои знания, сможет защитить Севастополь от гитлеровцев. Тем более что сейчас в его руках оказалась мощь четырех 305-миллиметровых орудий в броневых башнях – настоящий «непотопляемый линкор»! Он, конечно же, знал о героической и трагической истории Тридцать пятой береговой бронебашенной батареи. Он даже побывал на мемориальном комплексе в своем «прошлом-будущем». Но теперь Алексей уяснил для себя четко – он должен переломить ход стражения за Севастополь, сделать так, чтобы и третий, и все последующие штурмы города-крепости не стали роковыми.

Одевшись и одернув китель, Алексей вышел из помещения, теперь он понимал, что это каюта командира батареи. Встречные моряки прикладывали ладонь к фуражке или к бескозырке, он отвечал им привычным воинским приветствием. Алексей поднялся на плоскую площадку, на которой размещались девятисоттонные броневые башни, каждая – с двумя огромными орудиями. Отсюда был виден город-крепость у Черного моря.

* * *

Севастополь был будто бы вырезан из единого куска белого мрамора. Дома с ажурными металлическими балконами спускались к морю. На залитых щедрым южным солнцем под сенью сочной зеленой листвы царили покой и умиротворение. В уютных двориках на веревках сушилось белье, слышался смех ребятни. Мальчишки, сбившись в веселые стайки, с самого раннего утра убегали купаться и загорать. Влюбленные парочки гуляли по тенистым аллеям парков, а по вечерам кружились в вальсах на многочисленных танцплощадках.

Строгие патрули военной комендатуры шествовали по улицам, матросы в парадной форме и офицеры в повседневных черных мундирах деловито шли по своим военным делам.

Город жил морем, аквамариновые волны ласково плескали о Графскую пристань с ее великолепной колоннадой из белого мрамора. Севастопольская бухта раскинулась у подножия величественного города, у причалов замерли серые громады боевых кораблей и вспомогательных судов. По рейду сновали работяги-буксиры, пыхтя дымом из труб, и деловитые разъездные катера. На кораблях отбивали склянки, слышался приглушенный гул работы механизмов. Со стороны верфей доносился грохот и лязг металла о металл, крики белокрылых чаек над бухтой перекрывали гудки судов.

Алексей поклялся защитить Севастополь, применить все свои знания, навыки и опыт, чтобы сапог гитлеровского оккупанта никогда не ступил на белый мрамор города русской славы.

Глава 2

Тридцать пятая, бронебашенная...

Чистые и звонкие звуки флотского горна в утреннем воздухе возвестили о побудке. В матросских кубриках и в помещениях офицерского состава просыпался личный состав Тридцать пятой бронебашенной батареи. Раздетые по пояс артиллеристы выходили на физзарядку, бежали кросс по узким и извилистым каменистым тропкам мыса Херсонес вниз – к Казачьей бухте. Вместе с матросами бежали и офицеры. Было приятно вдыхать полной грудью терпкий соленый, отдающий йодом воздух. Белокрылые чайки парили вровень с тропинками на каменистых утесах. А внизу шумел прибой, вздымая пенные брызги. Здесь, на границе моря и суши, смешивались ароматы моря и пыльной, высушенной солнцем черноморской степи. Внизу погребенные под нанесенным веками слоем земли лежали развалины древнего Херсонеса. Величественная античная колоннада, сохранившаяся до наших дней, стала таким же символом Севастополя, как и памятник затопленным кораблям.

После физзарядки и умывания – построение личного состава. Оно проходило на площадке перед входом в массив второй орудийной башни, которая служила плацем. Кстати, построения здесь артиллеристы береговой обороны любили, поскольку над всей площадкой была установлена огромная металлическая рама, на которую были натянуты маскировочные сети, прикрывающие главный вход в батарею, так что с воздуха его различить было нельзя. А маскировочные сети давали дополнительную тень даже в самую сильную жару на открытом всем ветрам скальном массиве мыса Херсонес.

– Равняйся! Смирно!

Под величественные звуки гимна Советского Союза поднимаются по фалам флагштока алое полотнище Государственного флага, а рядом – флаг Военно-Морских Сил. Свежий ветер трепал знамена, серп и молот вместе со звездой золотились в лучах утреннего солнца, вспыхивая яркими искрами.

Командир батареи вышел на центр плаца, ощущая на себе взгляды подчиненных. Оглядел строй – каждое подразделение батареи занимало строго определенное место.

– Товарищ командир, личный состав батареи построен. Лиц, незаконно отсутствующих нет, – доложил помощник комбата старший лейтенант Никульшин.

– Здравия желаю, товарищи матросы, старшины и офицеры!

– Здр-р-ра!.. Желаю!.. Товарищ командир! – Эхо луженых матросских глоток отразилось от камня и железобетона.

– Вольно!

– Вольно.

Командир выслушал доклады командиров каждого из подразделений, кратко огласил расписание на весь день.

– Разойдись, командиры подразделений, подчиненные в вашем распоряжении.

Строй растекся людским водоворотом. Матросы и офицеры расходились по боевым постам, сдавали и принимали вахты. Перебрасывались фразами, закуривали, обсуждая флотские новости. Командиры раздавали указания, формируя наряды на различные работы. Изнутри бетонного массива раздавался мерный гул дизелей и прочих механизмов. От камбуза уже веяло вкусным дымком, кок готовил завтрак. На 35-й бронебашенной батарее начинался обычный день.

* * *

Белокаменный город у лазурного моря защищали не только крейсера и эсминцы Черноморского флота. Массивные серые башни, увенчанные стволами огромных орудий, казалось, вырастали из скального массива на крутых берегах севастопольских бухт. Возле деревни Любимовка и на мысе Херсонес размещались две самые мощные в Крыму артиллерийские системы – четырехорудийные бронебашенные батареи береговой обороны.

Они стерегли подходы со стороны Черного моря, однако, имея возможность кругового обстрела, могли наносить опустошающие удары 305-миллиметровых снарядов и по суше.

Строительство одной только Тридцать пятой батареи сравнимо с возведением гигантской плотины Днепрогэса – в то время огромной всесоюзной стройки. Но если строительство самой мощной гидроэлектростанции в Европе активно освещали в прессе, в том числе – и в зарубежной, то создание севастопольских бронебашенных батарей велось в режиме особой секретности.

Оно и понятно – в Советском Союзе создавались береговые крепости, равных которым не было во всей Европе. Огромные укрепления французской Линии Мажино, бельгийские форты, разгромленная Красной Армией в финской Зимней войне Линия Маннергейма – все эти колоссальные укрепления поражали воображение своей протяженностью бронированными колпаками огневых точек и массивными фортами. Но такая высочайшая концентрация сокрушительной мощи огромных двенадцатидюймовых орудий была достигнута только на бронебашенных батареях Севастополя и Владивостока.

Возведение мощной береговой батареи на мысе Херсонес началось еще в 1913 году по проекту военного инженера генерал-лейтенанта Нестора Буйницкого. Причем стоимость одной двухорудийной башенной установки достигала на тот момент астрономической суммы – 1 138 000 рублей.

В 1918 году из-за революции и Гражданской войны в России работы были на батарее прекращены, а уже готовые к установке орудия, башенные установки и механизмы были использованы для оборудования огневых позиций в береговых укреплениях города Ревель – ныне Таллин. Но после окончания Гражданской войны новая Советская власть решила достроить бронебашенную батарею в Севастополе. «Днем рождения» 35-й бронебашенной батареи принято считать 21 декабря 1927 года, когда Государственная комиссия выполнила приемку орудийных башен от строителей с опробованием их стрельбой.

Как только новую бронебашенную батарею ввели в строй, на ней сразу же началась боевая учеба. В течение 1927–1929 годов было проведено 152 учебных и шестьдесят боевых стрельб. И это несмотря на то, что пока отсутствовали приборы управления огнем. Их изготавливали в срочном и сверхсрочном порядке на заводе имени Кулакова. Готовность приборов ожидалась к маю 1929 года.

Осенью 1929 года башенная береговая батарея № 35 окончательно вступила в строй. А еще раньше – в июле того же года крепость посетили члены Правительства СССР во главе с Иосифом Сталиным.

* * *

Апрельский день 1941 года был в самом разгаре. Командир 35-й батареи прибыл из штаба Черноморского флота. Матросы как раз меняли лейнеры на стволах двенадцатидюймовых орудий. На «раз-два – взяли», бронзовокожие матросы вдвигали тонкостенную трубу с нарезками в ствол. Затем она фиксировалась центрирующими кольцами – буртами и специальными винами. Между ним и основным стволом оставался зазор примерно в четверть милли-

метра. При выстреле пороховые газы расширялись, выталкивая снаряд, а заодно – и прижимали лейнер плотно к стенкам ствола.

Когда нарезы и сам канал ствола будут изношены от интенсивных выстрелов, то сменить лайнер можно будет достаточно легко в полевых и даже в боевых условиях. Ведь он заметно легче, чем весь ствол гигантского орудия.

Под окрики старшины и азартные, забористые флотские выражения лейнер с помощью лебедки был установлен и зафиксирован в стволе. За операцией наблюдал главный инженер батареи, отдавая указания матросам.

Алексей поднялся на площадку перед массивной приземистой башней. Он не собирался вмешиваться в работу матросов, просто хотелось еще раз полюбоваться уже ставшим привычным видом мощных орудийных башен. Сейчас на покато́й крыше одной из них была закреплена съемная лебедка, с помощью которой и устанавливали лейнер в стволе правого орудия.

– Смирно! Командир на батарее, – скомандовал военинженер второго ранга.

– Вольно, товарищи, продолжайте работу. Распожусь на камбузе, чтобы кок приготовил еды с добавкой. И по полстакана красного вина каждому!

Заключительная фраза командира вселила воодушевление в рядком уставших краснофлотцев. Тяжелая работа пошла веселее.

* * *

Такое новшество, как лейнированные стволы орудий, первоначально отсутствовало в проекте батареи, но командир Алексей Лещенко настоял на установке именно такого, более современного варианта. В принципе его батарея уже и так активно участвовала в учебных стрельбах на различного рода маневрах. И старые стволы были уже порядком изношены, требовали замены. Вот неведь как попавший в эти времена Алексей из России XXI века и решил воспользоваться удобным случаем, чтобы модернизировать основную огневую мощь Севастополя. Ведь скоро предстояло стрелять отнюдь не по буксируемым в море целям...

Больших трудов, нервов и хождений по кабинетам высокого флотского и армейского начальства стоила модернизация 35-й батареи ее командиру. Но Алексей, уже «вжившийся» в образ и в личность капитана Лещенко, понимал, что только так и можно было подготовиться к грядущей грандиозной битве.

Положение серьезно осложнялось тем, что один из подчиненных еще в тридцать седьмом году, во время репрессий «великой чистки», написал донос на своего командира. Якобы у него родня за границей. Но тогда комбат Лещенко честно заявил, что известный за рубежом певец Петр Лещенко – его дядя. Но семья не поддерживает с ним отношений с 1921 года. Но все же в те суровые времена хватало и меньшего повода, чтобы быть уволенным со службы, а то и хуже – объяснять «компетентным товарищам», как горячо ты любишь родную партию. Имея при этом вполне реальную перспективу стать «врагом народа» с высшей, не подлежащей обжалованию мерой...

Но тогда молодого артиллерийского офицера Алексея Лещенко спас лично товарищ Сталин! Когда Иосифу Виссарионовичу доложили о делах коммунистов, подлежащих пересмотру партийных комиссий, то ответ его был примерно таким: «Я тоже слушаю Петра Лещенко и люблю его пение. Так что, меня тоже за это из партии выгнать...»

Практически сразу же после этого Алексей Лещенко был восстановлен в партии и назначен командиром батареи № 13. А вскоре молодой офицер-артиллерист был направлен на Курсы усовершенствования командного состава Военно-Морского Флота.

И вот, пользуясь «высочайшим благом», «попаданец» Алексей Лещенко затеял рискованную игру, целью которой было укрепление огневой мощи Севастополя. К сожалению, военная командно-административная машина громоздкая и относительно неповоротливая. При-

том не конкретно какая-то, а, в общем, любая. Но Алексею удалось «продать» собственные наработки по модернизации 35-й батареи. И сменные лейнеры стволов орудий были не единственным новшеством.

* * *

Сами колоссальные двенадцатидюймовые орудия были существенно переделаны по лично разработанному проекту капитана Лещенко, вернее, Алексея, который очутился вдруг в начале сороковых годов XX столетия в Севастополе.

Во-первых, их длина была увеличена с 52 до 57 калибров – соответственно, вместо без малого шестнадцати метров – почти семнадцать с половиной. Важны ли эти лишние полтора метра, ну чуть больше?.. Да, если речь идет о дальнбойности колоссального орудия. Вместо сорока четырех километров предельной дальности «Тридцатьпятка» теперь могла бить фугасным дальнбойным снарядом на сорок восемь километров.

Во-вторых, лайнеры стволов имели хромированный канал, что существенно повышало живучесть артиллерийской системы. А вот это требование было залогом совершенно невероятных нововведений в обустройстве и модернизации бронебашенной батареи. Зная о современных автоматах заряжания на танках Т-72 «Урал», Т-90 «Владимир», и конечно же – на Т-14 «Армате», Алексей решил сконструировать нечто подобное и для подачи 305-миллиметровых снарядов. Под полом боевого отделения башни размещалась «карусель» диаметром три с половиной метра. В ней горизонтально укладывались снаряды, вершинами к центру, а сверху них в отдельных лотках – метательные полузаряды. Далее двойной лоток зарядного устройства опускался, забирал выбранный боеприпас из «карусели» и поднимался на уровень затвора. Далее досылатель вталкивал боеприпас с метательными зарядами в казенник, а затвор закрывался. Только замковой вручную вставлял запальную трубку. Все операции выполнялись автоматически, и в результате скорострельность орудий увеличилась с двух-трех выстрелов в минуту до пяти. А это было уже весьма существенно в бою.

«Карусель» автомата заряжания на два десятка снарядов и зарядов загружалась вручную. При этом погреба боезапаса, которые окружали каждую из двух бронированных башен, располагались очень удачно. Это очень сильно экономило время и силы расчетам гигантских пушек. Все-таки ворочать снаряды под полтонны весом – достаточно трудоемкое занятие. К тому же непосредственно при выстреле часть орудийной прислуги уходила в подбашенное отделение.

* * *

Спустившись ко входу в массив второй башни, Алексей отошел в сторону, давая пройти бригаде матросов-дизелистов.

– Смир-рна! Командир на батарее! – Немолодой уже старшина приложил ладонь к рабочему берегу.

Капитан Лещенко тоже вскинул ладонь к форменной фуражке, приветствуя матросов.

– Вольно, товарищи. Продолжайте работы.

– Вольно!

У входа в батарею замерли часовые в парадной форме и с винтовками с примкнутыми штыками.

Пройдя сквозной коридор, через помещение центральной силовой станции, где ровно гудели дизели, Алексей направился мимо центрального коридора в помещение второй башни, а потом и в подбашенное помещение второй башни. Здесь слева от входа во вторую башню находилась секретная библиотека. Взяв у начальника библиотеки необходимые документы, капитан Лещенко расписался в журнале учета. Вернувшись в центральный коридор, Алексей

пошел в правое крыло массива подземной крепости: мимо лазарета и помещения командного состава справа, кубрика и телефонной станции слева – к себе в каюту.

Шаги гулко раздавались в узких коридорах-потернах, освещенных фонарями в стальной оплетке. Над головой сводчатый потолок – это наиболее оптимальная форма, воспринимающая ударные нагрузки при вражеских обстрелах. А выше – за стальными швеллерами противоосколочного подбоя – многие метры крепчайшего фортификационного бетона. По пути капитан Лещенко то и дело прикладывал ладонь к козырьку фуражки, отвечая на приветствия встреченных офицеров. Нужно было поработать с документами до ужина. Ожидались поставки новых, более мощных дизель-генераторов для силовой станции батареи. После модернизации требовалось гораздо больше электроэнергии. Капитану Лещенко нужно было сверить все необходимые бумаги.

* * *

Прицелы, дальнометры и весь комплекс управления стрельбой тоже был модернизирован. Целеуказание две колоссальные двухорудийные башни получали от командно-дальномерных постов. Один из них находился справа, севернее батареи в четырехстах пятидесяти метрах, а второй КДП – южнее, в двухстах метрах слева от массива береговой крепости. Там из скального массива вырастали броне рубки недостроенных линейных крейсеров типа «Измаил». Их броня защищала от удара крупнокалиберных шестнадцатидюймовых снарядов и двухтонных бомб, а внутри имелись современные приборы и оборудование для наведения и управления стрельбой бронебашенной батареи.

Совсем недавно комплекс управления артиллерийским огнем 35-й батареи пополнился экспериментальной радиолокационной станцией и системой инфракрасного обнаружения. Помимо трудностей с размещением нового оборудования внутри бетонного массива батареи возникли проблемы с электропитанием. Требовались новые, более мощные дизель-генераторы и аккумуляторы. Было необходимо сделать новые линии электропроводки и связи внутри батареи. Словом, проблем хватало, но это были приятные хлопоты.

Тридцать пятая батарея на Черноморском флоте была образцовой, поэтому именно на ней и внедрялись различные новшества в военном деле. И капитан Лещенко в своей «новой ипостаси» старался всячески поддерживать это мнение у командования.

* * *

– Разрешите, товарищ командир батареи?.. – В открытую дверь каюты вошел инженер батареи, воентехник второго ранга Николай Лобанов.

– Входите. Что у вас?

– Замена лейнеров орудийных стволов выполнена. Замеры показали полное соответствие. Вот список отличившихся матросов и старшин, прошу их поощрить. – Инженер батареи положил на стол комбату рапорт.

– Хорошо, Коля, давай акт приемки, я подпишу. Кстати, как раз хотел пройтись наверх, полюбоваться башнями. – Алексей подписал акт приемки работ. Потом сложил секретные документы в сейф и запер дверь своей каюты. В помещении рядом за столом что-то писал комиссар батареи Иванов.

– Что, Виктор Ефимович, дел накопилось?..

– Да, есть маленько, – поднялся со своего места старший политрук.

– Фильм сегодня будет?

– Обязательно! Будем крутить комедию «Веселые ребята» с Любовью Орловой и Леонидом Утесовым.

– Ага, а потом в матросских кубриках только о Любви Орловой и будет разговоров – от отбоя и до утренней побудки! – пошутил Алексей.

Выбравшись на поверхность через главный вход на батарею, капитан Лещенко вместе с военным инженером поднялся к первой орудийной башне. Стволы орудий смотрели на водную гладь Черного моря. На горизонте отчетливо виднелся силуэт крейсера.

Алексей полной грудью вдохнул терпкий, настоянный на морской соли с привкусом йода и сухой степи ветер. Волны с шумом накатывали на древний Херсонес, как делали это сотни и тысячи лет назад. Казалось, две приземистые броневые башни тоже срослись с многовековой историей здешних мест.

– Коля, завтра начнем наваривать скобы к башням для крепления комбинированной разнесенной брони, – сообщил капитан Лещенко, придерживая фуражку от порыва ветра.

– Да, я знаю, – кивнул военный инженер.

– Обсудим более детально на вечернем совещании комсостава после ужина.

* * *

Это тоже была идея Алексея, который использовал свою уникальную «память попанданца» – не столько какие-то фундаментальные знания, сколько историческую и техническую эрудицию. Человек, поневоле ставший «капитаном Лещенко», командиром Тридцать пятой бронешенной батареи, прекрасно знал, что произойдет всего через два месяца, а потому и торопился. Выступал с самыми невероятными идеями, спорил до хрипоты настаивал на немедленных ремонтах и модернизации оборудования и вооружения батареи. До изнеможения муштровал личный состав на учениях и тренировках.

Хотя в принципе и офицеры, и матросы привыкли к плотному графику службы. Батарея считалась образцово-показательной на Черноморском флоте, а потому постоянные учения и проверки стали нормой жизни. Служить здесь было так же почетно, как и на любом крейсере или эсминце.

Разнесенное бронирование представляло собой панели из броневой стали и толстой резины в несколько слоев. К тому же между броней самой башни и этим «слоеным пирогом» оставалось свободное пространство. Экранирование должно было быть установлено на боковых сторонах башен и на крыше. Расчеты, а потом и полигонные испытания под Ленинградом показали, что такая защита существенно увеличивает стойкость к обстрелам крупнокалиберными снарядами и к взрывам авиабомб.

* * *

Вернувшись на батарею, Алексей глянул на массивные наручные часы и направился на камбуз. Подходило время ужина. За питание личного состава на батарее помимо кока отвечал еще и военврач. Но командиру снять пробу с матросской еды – флотская традиция. Алексей прошел на камбуз, там его уже ждал начальник санитарной службы батареи, военврач третьего ранга Казанский.

– Здравствуйте, Евгений Владимирович, – пожал руку Алексей Лещенко. – Ну, чем порадует нас сегодня кок?

– Здравствуйте, Алексей Яковлевич. – Военврач со всеми держался уважительно, но в то же время, несколько отстраненно. Но эта отстраненность не была какой-то отрицательной чертой характера. Просто накладывала отпечаток его профессия, пожалуй – самая гуманная на войне. Для военных медиков чины и звания не слишком важны, ведь на операционный стол все ложатся без погон. – Макароны по-флотски, салат из свежих овощей и компот со свежими

булочками. Я бы еще рекомендовал днем выдавать личному составу квас – погода выдалась жаркая.

– Хорошо, я позвоню в отдел снабжения и распоряжусь, чтобы завтра же нам прислали бочку кваса.

– Пожалуйста, товарищ комбат, на пробу. – Кок, матрос Фирсов, протянул командиру вилку.

Алексей с удовольствием попробовал макароны с мясной поджаркой и подливой. Простое и сытное блюдо было очень вкусным.

– Команде – ужинать. Потом у всех – свободное время. Да, кстати, сегодня матросы хорошо потрудились, а потому я прошу выдать каждому по полстакана красного вина. Вы не возражаете, товарищ военврач?

– Совсем нет, Алексей Яковлевич. Я бы даже сказал, что это только пойдет на пользу молодым и крепким организмам, – улыбнулся начальник санитарной службы батареи.

Ужинали моряки на свежем воздухе под навесом из маскировочных сетей. За столами то и дело раздавались смех и шутки. Моряки, усталые, но довольные, перебрасывались репликами, обсуждали предстоящий фильм. Рядом ужинали офицеры батареи.

После еды было объявлено свободное время. Матросы побежали к морю искупаться. А офицеры собрались в кают-компанию на совещание. Обсуждали план работ на следующий день. Комбат Лещенко доложил о начале монтажных работ по установке дополнительной брони на башнях. Согласовали график, необходимые инструменты и наряд сил с военными инженерами батареи. Возглавил монтаж дополнительной брони орудийных башен инженер-механик, воентехник второго ранга Степан Никулин.

Начальник войскового хозяйства техник-интендант второго ранга Бордюк отчитался о количестве «слоеных» защитных блоков. По его словам выходило, что на первую башню на складе имеется полный комплект, а вот для второй башни половина блоков бронирования еще не подвезли.

– Займитесь этим вопросом, Яков Павлович. Чтобы завтра недостающие блоки разнессенного бронирования были на батарее.

– Есть, товарищ командир, займусь сразу же после утреннего построения.

Потом обсудили еще несколько вопросов. Нужно было провести в госпитале матроса, неделю назад сломавшего руку. За это дело взялись старшина второй башни Иван Славинский и политрук второй башни Иван Панкратов.

* * *

Лучи заходящего солнца освещали массивные силуэты башен Тридцать пятой батареи. Огромный «сухопутный крейсер» погружался в сон. Но вахтенные сигнальщики, дежурные офицеры и технические расчеты оставались настороже. В погребах боезапаса дремали во тьме остроголовые могучие снаряды. Заряды с порохом покоились пока на стеллажах. Белый город у синего моря затихал и засыпал под защитой мощных орудий.

Глава 3

Подкалиберный, дальнобойный, сверхсекретный

Капитан Алексей Лещенко вел по подземным коридорам-потернам высокую делегацию. Возглавлял ее Иосиф Виссарионович Сталин, вместе с ним находился заместитель народного комиссара ВМФ вице-адмирал Левченко, Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский, а также флагманский артиллерист, инженер флота и другие офицеры штаба. Также присутствовал и непосредственный начальник Алексея Лещенко – командир первого арtdивизиона береговой обороны майор Радовский.

Рядом со Сталиным шел невысокого роста крепко сбитый человек в штатском. Высокий лоб, внимательный взгляд карих глаз, плотно сжатые губы говорили об упрямстве и незаурядном уме. Попавший в иные времена из Донецка 2014 года Алексей не мог не узнать в этом штатском Сергея Королева – гения советского ракетостроения. Полгода назад, подавая заявку на создание новейших сверхдальнобойных снарядов, Алексей, ставший по невероятной прихоти судьбы командиром севастопольской батареи, и подумать не мог, кто займется выполнением его заказа. Хотя, учитывая саму идею, вполне логично, что ею занялся именно Сергей Королев.

Делегация прибыла 9 мая. В 1941 году это был обычный, ничем не примечательный день. Только четыре года спустя эта дата будет навсегда вписана в Мировую историю усилиями и тяготами, горем и радостью огромного народа великой страны.

– Ну что, товарищи, посмотрим на экспериментальные стрельбы?.. – Иосиф Сталин говорил с мягким, почти незаметным акцентом, растягивая слова и смягчая согласные.

– Товарищ командир батареи, можете приступать, – приказал Командующий Черноморским флотом Октябрьский.

– Есть, товарищ вице-адмирал. Прошу всех – на правый командно-дальномерный пост. Осторожно поднимайтесь по скоб-трапу.

– Сурово здесь у вас, товарищ Лещенко, – заметил Иосиф Виссарионович, вместе со всеми карабкаясь по вертикальной шахте, ведущей на командно-дальномерный пост.

– Специфика службы, товарищ Сталин, – коротко ответил Алексей.

От представителей высокой комиссии в бронированной рубке стало тесно. Присутствие начальства высочайшего уровня тоже спокойствия офицерам боевого управления отнюдь не добавляло. Но все они, в том числе и командир батареи, выглядели уверенно и невозмутимо. Алексей снял телефон внутренней связи.

– Внимание на батарею – боевая тревога! Первой и второй башне приготовиться к стрельбе, – а для присутствующих флотских чинов и для товарища Сталина комбриг пояснил: – Экспериментальные стрельбы будут проводиться по полигону, который находится в восьмидесяти километрах от нашей батареи. Обычная дальность орудий при стрельбе дальнобойными 305-миллиметровыми снарядами составляет сорок четыре километра. Расчеты показывают, что подкалиберный восьмидюймовый снаряд позволит более чем вдвое увеличить эту дистанцию.

Сразу же посыпались ответные доклады. А в толще железобетонного массива бронированные двери закрылись, щелкая кремальерными запорами – разделяя отсеки, словно на подводной лодке.

– Стрельба из башни номер два. Расчету боевого управления – принять данные от командно-дальномерных постов. Выработать параметры стрельбы.

– Есть выработать параметры стрельбы! – пришел четкий ответ из Центрального поста.

Массивная башня на верху железобетонного массива пришла в движение. Она медленно развернулась от моря в сторону суши. Стрельба должна была вестись по наземной цели на полигоне.

– Прицельная информация обработана, наводчикам выданы значения углов вертикальной и горизонтальной наводки.

– Зарядить орудия башни номер два, – приказал Алексей Лещенко, внутренне холодея от предстоящего события. Если сейчас подтвердятся его расчеты, то в дальнейшем он может требовать и настаивать на своем.

В полумраке и тесноте бронированной башни с лязгом поднялся зарядник. Досылатель втолкнул в казенник орудия необычного вида снаряд – слишком тонкий и «изящный» для гигантского двенадцатидюймового калибра. Следом в казенник легли два картуза метательных полузарядов.

– Снаряд пошел!

– Первый заряд пошел!

– Второй заряд пошел!

– Опустить зарядник в исходное положение.

– Запальная трубка!

– Есть трубка!

– Заккрыть затвор!

Массивный поршневой затвор встал на свое место и провернулся.

– Есть затвор!

– Наведение – горизонтальный угол... вертикальный угол... – под негромкое гудение механизмов огромное тело орудия изменило свое положение в пространстве.

– Правое орудие к стрельбе готово!

– Левое орудие к стрельбе готово!

В бронированной рубке командно-дальномерного поста комбат Алексей Лещенко спокойно сказал в массивную трубку телефона.

– Правое орудие – огонь. – И одновременно включил секундомер.

* * *

Железобетонный массив, да и весь скалистый берег вздрогнул, как от небольшого землетрясения. Массивная крейсерская броня рубки командно-дальномерного поста, находящегося почти в полукилометре от башен, не в силах была полностью заглушить раскаты рукотворного грома. Сноп огня и гигантский клуб дыма ударили из чудовищного ствола мегаорудия. В адском грохоте и клубах дыма сверхдальнобойный снаряд вырвался на свободу, прорезая пространство острым, аэродинамически «зализанным» носом.

Сам снаряд был весьма необычным. Он имел калибр не двенадцать, а восемь дюймов, то есть являлся подкалиберным.

Алексей стал развивать эту концепцию совсем не случайно. Калибр орудий Тридцать пятой батареи составлял 305 миллиметров. Но, уменьшив диаметр снарядов до 203 миллиметров при сохранении того же самого заряда пороха, можно было добиться весьма существенного прироста дальности стрельбы. Причем возрастала еще и точность огня – за счет увеличения скорости полета подкалиберного снаряда. При выстреле такой боеприпас опирался на отделяемый поддон, который служил своеобразным поршнем. В средней части находился секторный ведущий диск.

После вылета подкалиберного снаряда из ствола огромного орудия поддон и секторный ведущий диск отлетели за счет вращения и сопротивления воздуха.

Дальше обтекаемое стальное тело двигалось по гигантской дуге, ввинчиваясь в тугой, сжатый скоростью воздух. За счет уменьшенного диаметра снижалось аэродинамическое сопротивление, а уменьшенный вес по отношению к солидной массе пороха позволил резко увеличить начальную скорость почти до сверхзвуковой. По этой же причине головная часть уникального сверхдальнобойного боеприпаса была выполнена из тугоплавкой стали и раскалялась в полете до вишневого свечения. Подрыв заряда мощнейшей взрывчатки происходил донным, а не головным взрывателем. Но и это еще не все.

В определенной точке траектории включались пороховые реактивные ускорители, которые дополнительно разгоняли снаряд, компенсируя постепенное падение скорости из-за трения его об атмосферу. Это еще больше увеличивало дальность полета уникального снаряда.

* * *

Идея Алексея была отнюдь не нова. Еще в 1918 году Комиссия особых артиллерийских опытов РСФСР разрабатывала вопросы сверхдальней стрельбы, и это было одним из приоритетных направлений развития вооружений. Председатель комиссии – артиллерист Трофимов предлагал проект сверхдальнобойной пушки еще в 1911 году. Он же разработал теоретические основы стрельбы на дальности до 140 километров.

Дальнобойный подкалиберный снаряд еще в 1917 году предлагал и другой видный русский артиллерист Евгений Беркалов. Калибр «активного» снаряда был меньше калибра ствола, поэтому выигрыш в скорости сопровождался падением разрушительной мощи. В 1930 году снаряд системы Беркалова к морской пушке преодолел расстояние в девяносто километров. А в 1937 году за счет сочетания расверленного до 368 миллиметров ствола орудия и 220-миллиметрового снаряда с «поясковым» поддоном удалось получить дальность в 120 километров. При этом снаряд весом 140 килограммов разгонялся зарядом пороха массой 223 килограмма до 1390 метров в секунду. Это был серьезный прорыв, поскольку стрельба велась из ствола длиной всего пятьдесят два калибра.

Но перед артиллеристами появилась другая проблема – нужны были более точные расчеты при наведении орудий, поскольку с увеличением дистанции падала точность стрельбы.

* * *

В боевой рубке командно-дальномерного поста медленно текли секунды, отсекаемые бегом тонкой стрелки по циферблату. Доклада с артиллерийского полигона, находящегося в восьмидесяти километрах от батареи, все еще не было.

За спиной комбата уже стали перешептываться высокие флотские начальники. Послышались скептические реплики офицеров из разряда «а я же говорил!..» Скорее всего это был вице-адмирал Октябрьский, он заметно нервничал.

Только четверо из присутствующих сохраняли спокойствие: это Алексей Лещенко, Сергей Королев, вице-адмирал Левченко и Иосиф Сталин. Первый был уверен в своих расчетах и правильности концепции. Молодой гений ракетостроения верил в свое детище. Заместитель наркома ВМФ Гордей Иванович Левченко не торопился с выводами. А Сталин, еще не став Верховным Главнокомандующим, сохранял невозмутимость главы государства в решении сложнейшей военно-технической задачи.

Наконец по радиосвязи пришло сообщение с артиллерийского полигона – падения снаряда и взрыва не зафиксировали. Просили проверить расчеты для стрельбы. Позади командира батареи раздался чей-то разочарованный вздох. Алексея охватило состояние, близкое к панике, ведь он сам проверял расчеты для стрельбы и договаривался с начальником полигона

об условиях испытаний и контроле. Не раскрывая, естественно, секретных деталей эксперимента. Так что же пошло не так?..

Тишину после сокрушительного грохота орудийного выстрела нарушил сигнал телефонной связи. Алексей снял массивную трубку с крепления и клацнул тумблером.

– Командир батареи капитан Лещенко...

– Говорит начальник артполигона майор Савичев. Чем вы стреляете, черт возьми?!

– Поясните подробнее, товарищ майор...

– Примерно в двадцати километрах за пределами полигона наблюдаю огромный столб дыма от разрыва снаряда и отдаленный грохот.

– Повторите. – Командир батареи кивнул вахтенному телефонисту. – Переключи на громкую связь.

– Повторяю, за границами полигона, примерно в двадцати километрах по линии предполагаемой стрельбы обнаружены признаки падения снаряда.

– Вас понял. Наблюдайте – даю залп. – Алексей переключил коммутатор на вторую башню. – Внимание, прицел и угол возвышения тот же. Левое орудие – огонь!

За спиной кто-то негромко кашлянул и многозначительно хмыкнул, – наверное, это был Сталин.

Несколько секунд спустя рукотворный гром вновь расколол воздух. Дымный фонтан, подсвеченный изнутри багровым сполохом дульного пламени, вырвался из левого ствола второй бронебашни. Еще один подкалиберный сверхдальнобойный снаряд унесся к цели, ввинтившись в упругий воздух.

– Это говорит начальник артиллерийского полигона – есть падение неподалеку от первого. Чем вы там стреляете, похоже, расчетная дальность перекрыта многократно!

– Есть, сообщение принял. – Алексей щелкнул тумблером коммутатора. – Задробить стрельбу, орудия на «ноль».

– Есть дробь стрельбе, орудия на «ноль», – подтвердил командир второй башни старший лейтенант Захаров.

– Что ж, поехали проверим результаты стрельбы, – сдержанно сказал Иосиф Сталин.

Делегация спустилась по скоб-трапу в сводчатый коридор-потерну и вернулась к выходу из бетонного массива береговой батареи. Здесь их уже ждали черные легковые «Эмки». Капитана Лещенко пригласили проехать вместе с товарищем Сталиным. Рядом следовали автомобили охраны.

* * *

Личный состав полигона встречал делегацию по стойке «смирно». Майор Савичев доложил о том, что снаряды большой дальности перелетели весьма обширную территорию полигона и взорвались на много километров дальше по расчетной траектории. Снова двинулись в путь.

На зеленом лугу среди полевых трав зияли две внушительные воронки. Вокруг лежали окровавленные туши овец. Безутешный пастух сидел прямо на земле, рядом крутилась черная кудлатая собака. Когда на краю поля остановилась кавалькада черных автомобилей, чабан поднялся, опираясь на суковатую палку. Вид людей в форме не смутил старика.

– Что же это делается, а, товарищи?! Стадо ведь колхозное, с меня и спросят как с вредителя!..

– Успокойся, старик, не видишь, кто перед тобой?.. – начал было командир группы спецхраны.

– Подождитэ. Как вас зовут, уважаемый?.. – вмешался Сталин.

– Петровичем кличут, товарищ Сталин, – пожилой пастух взглянул на главу государства неожиданно ясными голубыми глазами. И повторил: – Я Германскую войну прошел, в

Осовце был. Потом помогал здесь, в Крыму, Советскую власть укреплять. А теперь вот энти две «дуры» прилетели, и овечек-то моих – в ключья!.. А я за них перед правлением колхоза отвечаю.

– А сами-то вы как, уцелели?.. – Сталин говорил мягко, с уважением к пожилому человеку.

– Да, говорю же, в крепости служил – вот и прятаться при обстрелах еще тогда научился. Германцы-то нам тогда эту науку крепко преподали!.. Пошел, значит, овечку ловить, что от стада отбилась вместе с Пиратом. – Пастух кивнул на черную кудлатую собаку. – А тут – как грохнет! Ну, я сразу, лицом в траву, и пса к земле прижимаю. Следом, еще один удар – аж все ходуном заходило...

– В общем, вам не стоит беспокоиться за убитых овец. Мы их реквизируем на нужды питания личного состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота. С колхозом мы все уладим. – Сталин повернулся к одному из секретарей и что-то сказал вполголоса. Секретарь коротко кивнул.

Алексей приблизился к зияющим в земле воронкам и с интересом осмотрел рукотворные кратеры, от которых все еще тянуло характерным кислым запахом сгоревшей взрывчатки. Сходства с кратерами добавляли небольшие валы из земли в форме неправильного эллипса. Почва здесь, как и на большей части Крымского полуострова, была плотной, каменистой. Так что зарывания снарядов в грунт при стрельбе можно было не опасаться. Донные взрыватели снарядов сработали как и положено, вызвав детонацию нескольких десятков мощной взрывчатки. А вот дальность стрельбы теперь предстояло определить заново!..

– Впечатляет! – коротко заметил Сталин. – Поздравляю, товарищи, с новым видом мощного и дальнобойного вооружения. Думаю, это именно то, что нужно нашей армии и флоту.

* * *

Дальнейшее совещание проводилось уже по возвращении, на Тридцать пятой батарее. Присутствовали Сталин, вице-адмиралы Левченко и Октябрьский, флотские офицеры. Честно говоря, у Алексея все похолодело внутри – своей уникальной «памятью попаданца» он прекрасно знал, именно здесь, в помещении комсостава, вице-адмирал Октябрьский в последние дни июня 1942 года примет роковое решение о прекращении сопротивления Севастополя после двухсот пятидесяти страшных дней осады. Именно отсюда он пойдет к самолету, который доставит его вместе с оставшимися офицерами Черноморского флота на «Большую землю» – в Новороссийск. Вице-адмирал Октябрьский в конце июля 1942 года в Севастополе позволит себе сделать то, что не позволил себе совершить Сталин в ноябре 1941 года в Москве.

Седьмого ноября 1941 года Сталин приветствовал войска на параде на Красной площади, которые после торжественного марша отправлялись на боевые позиции под Москвой. И солдаты вместе с рабочим ополчением отстояли столицу нашей Родины в кровопролитных боях на последнем рубеже.

Год спустя Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский оставил свой флот и город-крепость. Моряки и солдаты до последнего сражались и погибали, но не смогли отстоять Севастополь.

Теперь же бывший военный пенсионер-артиллерист Алексей Лещенко – тезка и однофамилец из Донецка 2014 года, который погиб от взрыва украинского снаряда на Светлодарской дуге зимой 2015-го и неведь каким образом перенесся в 1942-й, старался приложить все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы не допустить гитлеровцев в Севастополь!..

– Поздравляю, товарищ капитан Лещенко. Ваши расчеты не просто подтвердились, но и заметно превзошли даже самые смелые предположения. – Сталин оценивающе смотрел на Алексея. В уголках глаз собрались мелкие морщинки, незажженная трубка в руке Иосифа Вис-

сарионовича описала плавную дугу. – Думаю, что теперь мы имеем оружие колоссальной мощи и дальноточности. Оно позволит нам контролировать не только просторы Черного моря, но и сухопутные рубежи. В странах Европы и в Америке еще даже и не приблизились к таким показателям.

– Товарищ Сталин, за это нужно благодарить разработчика и прежде всего Сергея Королева. Это он своей настойчивостью и громадной технической эрудицией позволил довести весьма рискованный технический проект до воплощения в металле.

– Товарищ командир батареи, каковы планы на будущее?..

– Считаю, что нужно усиливать противовоздушную оборону береговой батареи. Как раз хотел обратиться к Командующему флотом, товарищу Октябрьскому, с просьбой выделить батарею 85-миллиметровых полуавтоматических зениток и 37-миллиметровые зенитные автоматы из запасов флота. – Алексей заметил гримасу недовольства на лице вице-адмирала. Но все же решил «добить». – Товарищи офицеры, вы ведь знаете, что произошло в Дюнкерке год назад. Удары немецкой авиации были сокрушительны...

– Ну, положим, *товарищ капитан*, с Германией у нас заключен мир. К тому же мы в курсе последних событий на фронтах войны буржуазных европейских стран!.. – не выдержал вице-адмирал Октябрьский. Конечно, какой-то сухопутный капитанишка, пусть даже и командир мощной батареи-крепости, смеет учить адмиралов Страны Советов.

– Да, противовоздушную оборону нужно усиливать... Мы ведь с вами живем в Стране Советов, не так ли, товарищи адмиралы?.. Вот товарищ командир батареи и предложил дельный совет, – негромко сказал Сталин. – Кстати, теперь, товарищ Лещенко, может рассчитывать на поддержку старших товарищей. Так ведь, товарищи офицеры?..

– Так точно, товарищ Сталин. – Вице-адмирал Октябрьский заметно погрузнел.

А вот заместитель наркома флота Гордей Иванович Левченко внимательно наблюдал за разговором. Он прошел все ступени флотской службы, начиная со школы юнг в 1913 году.

После он служил матросом на крейсерах «Громобой», «Адмирал Макаров», комендором на учебном судне «Петр Великий». С января 1915 года по июнь 1916-го учился в классе артиллерийских унтер-офицеров, после окончания которого служил на эсминце «Забияка». После окончания училища командного состава флота служил артиллеристом на эсминцах и канонерских лодках. В феврале 1925 года Гордей Левченко назначен старшим артиллеристом, а в мае следующего года – старшим помощником командира линкора «Парижская коммуна». После окончания Курсов усовершенствования комсостава при Академии ВМФ Левченко назначен командиром крейсера «Аврора». С января 1933 года Гордей Иванович – командир и комиссар бригады линейных кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Но за допущенную во время учений гибель подводной лодки он был отстранен от должности и назначен командиром отдельного дивизиона миноносцев Черноморского флота с понижением в звании сразу на три ступени. Но эта неудача не сломила кадрового морского офицера.

Уже в феврале 1938 года Левченко назначен Командующим Краснознаменным Балтийским флотом. А с апреля 1939 года он – заместитель наркома ВМФ в звании флагмана 1 ранга. А 4 июня 1940 года Гордею Левченко было присвоено звание вице-адмирала.

А вот другой вице-адмирал – Филипп Октябрьский, всю свою службу провел на торпедных катерах. На крупных кораблях он не служил и не командовал. Конечно, чтобы быть катерником, нужны большая смелость и личное мужество. Но вот по части боевого управления соединениями кораблей и штурманского дела вице-адмирал откровенно не блистал. Кроме того, в мирное время военный флот выполнял скорее представительские функции. С начала тридцатых годов на Черном море у Советского Союза уже не было врагов. В принципе в мирное время «демонстрация флага» и влияние на политику и есть функции флота. Но вот учения сводились больше к артиллерийским стрельбам, а навигационная подготовка была явно недостаточной.

Все это военный пенсионер Лещенко знал своей уникальной «памятью попаданца». Знал он также, что на флоте были сильны аппаратные интриги – те офицеры, которые сделали карьеру по «партийной линии», постепенно «выдавливали» с флота настоящих корабельных специалистов. В мирное время военный флот – это маневры и смотры, сияющая медь и начищенные пуговицы. Все это выглядит внушительно, но с повседневным тяжелым трудом, который и есть война, имеет мало общего. Алексей, который разделил свою судьбу с судьбой прифронтового Донецка в 2014 году, знал это как никто другой.

Алексей понимал, какое у вице-адмирала Октябрьского отношение к артиллеристам береговых батарей. В его глазах ценностью обладали крупные военные корабли: линкор «Парижская Коммуна», крейсера и эсминцы. А вот береговые батареи являлись своего рода «чернорабочими». На их плечи ложилась реальная боевая работа. «Тяжело в учении – легко в бою»! – этими суворовскими крылатыми словами и руководствовался Алексей Лещенко.

Иосиф Сталин, равно, как и вице-адмирал Левченко, ценил реальные дела, а не только блеск надраенной меди. Этим и решил воспользоваться Алексей в аппаратной борьбе на флоте. Он прекрасно понимал, что проиграть не может – слишком высоки ставки. Всего два месяца мира отделяли огромную страну от самого страшного испытания, которое выпало в XX веке. Алексей был готов совершить невозможное, чтобы переломить ход роковых событий!

* * *

– Товарищ Лэвченко, позаботьтэсь о том, чтобы капитан Лэщенко имел поддержку в своих начинаниях. Такие специалисты нам нужны, – мягко попросил Иосиф Виссарионович.

– Так точно, товарищ Сталин, – кивнул вице-адмирал Левченко.

На этом заседание высокой проверяющей комиссии завершилось. Под актом экспериментальных стрельб участники комиссии поставили свои подписи. По результатам испытаний было принято решение дополнительно к пятидесяти уже изготовленным подкалиберным сверхдальнобойным снарядам изготовить еще пятьсот для отстрела в Ленинграде на артиллерийском полигоне на Ржевке. Кроме того, на самой 35-й батарее предполагалось иметь боезапас в пятьдесят сверхдальнобойных подкалиберных на каждое орудие в обеих башнях. Такой же боекомплект должен быть и на 30-й бронебашенной батарее, которая располагалась на Северной стороне Севастополя у деревни Любимовка. А со следующей недели должна была прийти еще одна экспериментальная партия кассетных снарядов. Приказом заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Левченко Тридцать пятая батарея назначалась лидерной в освоении новейших типов снарядов и разработке методик стрельбы.

Глава 4

Батарея готовится к войне

– Товарищ комбат, прибыли зенитные пушки, – доложил начальник войскового хозяйства батареи Бордюк.

Алексей как раз работал с документами в своей каюте, когда из арсенала флота вернулся техник-интендант второго ранга.

– Хорошо, давайте сопроводительные документы, я подпишу.

– Алексей Яковлевич, только там неувязка вышла...

– Какая неувязка, доложите четко.

– Вы заказывали спаренные 37-миллиметровые зенитные автоматы в открытых установках. А мы получили 76-миллиметровые пушки Лендера.

– Вот елки зеленые!.. Яков Павлович, но ведь было предписание зам. наркома флота вице-адмирала Левченко, завизированное у комфлота вице-адмирала Октябрьского!..

– Да, и я показал все необходимые документы. Но начальник склада артвооружения как раз-таки сослался на новый приказ вице-адмирала Октябрьского, согласно которому запрещена выдача новых систем артиллерийского оружия, в том числе – и зенитного.

Что ж, осторожность вице-адмирала Октябрьского стала притчей во языцех на Черноморском флоте. Лично Алексей своих суждений открыто не высказывал – негоже было подрывать авторитет начальства, не по-мужски и не по-офицерски. Но для себя выводы сделал. К сожалению, на флоте да и в армии после репрессий сложилась такая ситуация, что выживали и дослуживались до больших должностей как раз осторожные, а не инициативные командиры. Алексей своей уникальной «памятью попаданца» знал, что понадобятся два года тяжелейших потерь и поражений, два года отступления аж до Волги-матушки, чтобы наконец-то воспитать и закалить ту уникальную плеяду офицеров, с которыми Красная Армия все же станет непобедимой и прошагает маршем полЕвропы.

А пока что приходилось считаться со многими сдерживающими факторами, одним из которых была определенная косность начальства. Нет, Филипп Сергеевич Октябрьский был человеком смелым, мужественным, без этих качеств не станешь командиром скоростных торпедных катеров. Но вот от флотского начальника в ранге вице-адмирала все-таки требуются иные качества, такие как инициативность, способность отстаивать собственную точку зрения, координировать сложные вопросы взаимодействия. Но, как оказалось, непомерная осторожность просто сжирала все остальные качества вице-адмирала Октябрьского.

– Да уж, пушки Лендера с их скорострельностью в двадцать выстрелов в минуту нам не сильно-то и помогут... – размышлял вслух Алексей. – Но хоть снарядов дали достаточно.

– О, об этом и не беспокойтесь! Нагрузили несколько машин под завязку. А еще – дальнометы, прибор управления зенитным огнем, ЗИПы к орудиям. Это я уже принимал как полагается, строго по документам. Скажу больше, мне удалось переговорить с начальником склада артвооружения в более неформальной обстановке, и он обещает, что на следующей неделе планируется поставка счетверенных зенитных «Максимов».

– Счетверенными зенитными «Максимами» – только кур в огороде у селян пугать, – заметил Алексей. – Нам, уважаемый Яков Павлович, нужны крупнокалиберные пулеметы ДШК.

– Так, а где ж их взять?! Флагманский артиллерист флота может нам выделить парочку, но не больше. Все упирается в приказ вице-адмирала Октябрьского, он строжайше запретил выдавать новые системы вооружений со складов... – развел руками техник-интендант.

– А обратитесь-ка по линии Наркомата судостроения. У них же есть запасы демонтированного вооружения с тех боевых кораблей, которые стоят в ремонте. По замене они могут вытребовать любые другие, а мы их отблагодарим, чем сможем...

– Вот это идея! Надо подумать, надо подумать.

– Что ж, Яков Павлович, идите – думайте. Да, и еще, нужно хотя бы три ящика ручных гранат и несколько бухт колючей проволоки.

– Найдем, товарищ командир.

Алексей тяжело вздохнул. Хорошо еще, что зенитная батарея в составе пяти 85-миллиметровых полуавтоматических орудий уже прибыла на позиции «Тридцатьпятки». Сейчас «стражи небес» под командованием старшего лейтенанта Степанова обживались в кубриках железобетонного массива батареи. Зенитные пушки были установлены в специально отрытых капонирах и спрятаны под маскировочными сетями. Отдельно оборудован и командно-наблюдательный пункт со всеми необходимыми приборами, рацией и полевым телефоном. Старлей, хоть и из армейцев, но показался Алексею толковым офицером. Конечно, ему вместе с «сухопутными» подчиненными было поначалу непросто освоиться в коллективе моряков. Но дело молодое, обживутся. Главное, что бронебашенная береговая батарея получила серьезное прикрытие от налетов вражеской авиации.

* * *

Алексей поднялся из-за стола, убрал документы в сейф. Поправил кобуру на поясе. Нужно было проинспектировать работы на ложной «35-й батарее», которая располагалась в двух километрах южнее настоящей. Про приказу комбата там сейчас оборудовался промежуточный оборонительный рубеж. Конечно, постройки там были так себе, не чета железобетонному массиву настоящей бронебашенной батареи, но все же кое-какую защиту они могли предоставить обороняющимся силам нашей пехоты.

В состав «Тридцатьпятки» входила также еще и рота охраны из двух стрелковых и одного разведывательного взвода. Их комроты муштровал нещадно. Все матросы-краснофлотцы с оружием обращались умело, техники не боялись. Не то что обычная пехота из крестьян, для которых верхом навыков было освоить обычную «трехлинейку» Мосина. На вооружении у матросов батальона охраны были в основном самозарядные винтовки Токарева СВТ-40 – надежное и мощное оружие, но – в умелых руках, привычных к технике. Кроме того, имелись еще два ручных и два станковых пулемета.

Это подразделение как раз и было расквартировано на ложной «Тридцать пятой батарее», используя ее постройки. Там же находились и вспомогательные службы. По боевому расписанию рота охраны должна была занять стационарные железобетонные огневые точки и оборонять 35-ю батарею со стороны суши. Но в предвоенные годы считалось, что основная угроза придет с моря – от флотов Германии, Италии, Англии или Турции, как в Первую мировую войну.

А вот Алексею теперь пришлось наверстывать, как говорится, семимильными шагами. Под руководством командира и военных инженеров батареи строились блиндажи и дополнительные дерево-земляные огневые точки, стрелковые ячейки и окопы, ходы сообщения. Вся полевая фортификация обязательно прикрывалась маскировочными сетями. Штатных средств маскировки не хватало, да и не всегда их выделяли на батарею. Но выручала находчивость – масксети делали из обычных рыбацких. В ячейки дополнительно вплетались тряпки, сухая трава – получалось очень даже неплохо. Алексей хотел еще после установки дополнительного разнесенного бронирования на орудийные башни прикрыть их маскировочными сетями, чтобы бронебашенную батарею невозможно было различить ни с моря, ни со стороны суши, а самое

главное – с воздуха. Он сам часто наведывался к знакомым рыбакам в Балаклаву. Вместе со свежей рыбой на камбуз они частенько передавали и сети.

А уже на самой батарее местные умельцы сети переплетали, «украшали» пучками сухой травы, такими же сухими ветками, широкими заплатами из мешковины и старого брезента. В итоге получались просто восхитительные лохмотья, выгоревшие на солнце. По цвету они идеально подходили к камням и низкому колючему кустарнику. Такая маскировка надежно скрывала огромные броневые башни и длинные стволы четырех могучих орудий. Маскировка безнадежно «ломала» геометрически правильные прямые силуэты и буквально «растворяла» батарею на фоне окружающего ландшафта.

Когда открытый командирский «Форд» с брезентовым тентом приехал на позиции ложной батареи, там вовсю шли земляные работы. Саперные лопаты, ломы и кирки с трудом вгрызались в иссушенную каменистую почву. Бойцы копали окопы в полный рост, подготавливали стрелковые ячейки. Краснофлотцы работали явно без энтузиазма, сложно объяснить подчиненным, какого это лешего взбрело в голову командиру артиллерийской батареи особой мощности заниматься вдруг шанцевыми работами?!

Тем не менее флотское упрямство не позволяло им «сачковать» и выполнять работу неаккуратно. Командир роты доложил Алексею о том, что работы по обустройству позиций проводятся по графику.

– Ясно, лейтенант. Отведите людей под навес в тень и напоите холодной водой и квасом.

– Есть. Скажите, товарищ комбат, а зачем мы все это делаем?.. Служили себе ровно. А вот после того взрыва злополучного как подменили вас... Порядки новые, учения чуть ли не каждый день.

– Может быть, меня и подменили, товарищ командир роты, – усмехнулся Алексей. – Вы замечали, чтобы я и раньше относился к офицерам или к рядовым попустительски?..

– Никак нет.

– Ну так вот, мы с вами – в армии. Вам прекрасно известна напряженная политическая обстановка в мире, на политинформациях нам комиссары постоянно доводят свежие новости. Поэтому считаю своим долгом всячески повышать боеготовность вверенного мне личного состава батареи и других подразделений, – отчеканил Алексей. – К тому же на данный момент мы выполняем приказ наркома ВМФ Кузнецова от 16 декабря 1940 года, согласно которому он обязал подготовить сухопутную оборону баз Черноморского флота. Вам все ясно?

– Так точно, виноват, товарищ командир батареи.

– Завтра у вас – полигон и усиленная огневая подготовка. С окапыванием личного состава. Малые саперные лопатки все получили?

– Так точно, но...

– Что «но», лейтенант? – холодно осведомился командир батареи.

– Матросы не хотят окапываться... И менять флотскую форму на гимнастерки.

– Если хотите выжить, то придется выполнить и то и другое. Понимаю, флотские традиции – фланка, тельняшка, бескозырка... Но мы воюем на суше, а потому можете носить тельняшку под гимнастеркой защитного цвета. А форменные фланелевые рубашки темно-синего цвета слишком заметны, и врагу будет легче по вам целиться. И окапываться тоже нужно уметь! Между прочим, лейтенант, оборона гораздо сложнее наступления. В общем, так, на завтра назначаю занятие по теме «Стрелковая рота в обороне. Использование маскировки и средств полевой фортификации». Свободны, лейтенант!

– Есть!

* * *

Последнее время Алексей проводил за рекогносцировкой местности. Он выезжал и в Евпаторию, и в Керчь, и в Симферополь. Наносил на карту ориентиры, рассчитывал азимутальные углы стрельбы, составлял таблицы дальностей. Все данные опытный артиллерист наносил на специальную карту, которая до поры хранилась у него в сейфе. Алексей знал, что очень скоро эта карта станет очень востребованной...

Не забывал командир батареи о тренировках своих канониров, наводчиков, дальнометристов, офицеров боевого управления. С секундомером в руке Алексей присутствовал на учениях орудийных расчетов броневых башен. С помощью инертных зарядов отрабатывали все возможные варианты действий – и при стрельбе по морским и по наземным целям. Гудящие электроприводами зарядные устройства подавали к затворам орудий массивные снаряды и картузы метательных зарядов к ним. Расчеты орудий четко, до автоматизма, выполняли все необходимые операции по заряданию пушек. Алексей щелкал секундомером, а потом начинался «разбор полетов». И все – по новой. Бронебашенная 35-я батарея и так была одной из лучших на Черноморском флоте, не раз брала призы комфлота за боевую выучку. Но Алексей постоянно тренировал своих людей, добиваясь перевыполнения всех мыслимых нормативов стрельб.

– Так, хорошо, молодцы! Справились на «отлично». А теперь даю вводную: отключилось электропитание приводов подачи снарядов и наведения орудий. Командир башни выведен из строя. Пеленг на цель – двести семьдесят градусов, дальность – сорок кабельтовых. Залпом из двух орудий первой башни – огонь! – В ладони Алексея снова щелкнул секундомер.

Часто командир батареи сам становился к орудию, и не только старшим расчета, но и наводчиком, а то и замковым. Или же помогал матросам-канонирам подавать тяжелые снаряды и заряды вручную. Ворочать стальные болванки под полтонны весом было делом не из легких. Но Алексей уяснил одну простую истину – увлечь подчиненных можно было только собственным примером. Артиллеристы видели это и не роптали, когда командир батареи «гонял» их не до седьмого, а до сотого пота. Они знали – в бою такой командир не подведет.

* * *

Командиры первой и второй орудийных башен лейтенант Александр Конякин и старший лейтенант Арсений Захаров и сами постоянно занимались с личным составом, добиваясь четкости действий комендоров, наводчиков, зарядной команды, замковых. Молодые офицеры почти все свое свободное время проводили здесь – как они выражались, «на железе». Такие же молодые политруки выпускали боевые листки, причем между первой и второй орудийными башнями батареи постоянно шло негласное соревнование – кто выпустит более едкий и сатирический боевой листок. И вообще – в коллективе бронебашенной батареи постоянно чувствовался добрый дух соперничества. Молодые здесь были практически все, а не любить огромные орудия, ту мощь, которая была им подвластна, было просто невозможно.

В предвоенные годы 35-я батарея постоянно проводила интенсивную боевую учебу большим количеством практических стрельб. В 1939–1940 годах только на зачетных стрельбах батарея выпустила двести двадцать снарядов. Но «попаданец-командир» Алексей в 1941 году умудрился перекрыть и этот показатель. А потом еще и добился масштабного ремонта с заменой изношенных сплошных стволов на новые – с внутренними быстрострельными лейнерами.

* * *

– Товарищ комбат, вас вызывают к коменданту береговой обороны Главной базы флота генерал-майору Моргунову, – сообщил дежурный по батарее.

– Сейчас еду. Распорядитесь насчет моей машины.

В кабинете, кроме генерал-майора береговой службы Петра Моргунова, которому подчинялись в том числе и все береговые батареи, находился и непосредственный начальник Алексея Лещенко – майор Радовский. Он был командиром 1-го артдивизиона береговой обороны.

Комендант береговой обороны встретил своего подчиненного неласково.

– Вы что себе позволяете, капитан?! Что за самоуправство?!

– Товарищ генерал-майор береговой службы, я лишь выполняю приказ наркома ВМФ Кузнецова от 16 декабря 1940 года о подготовке сухопутной обороны баз Черноморского флота. В том числе – и Главной базы – Севастополя, – отчеканил Алексей и подал коменданту бумагу. – Вот рапорт, в котором все изложено.

– Через голову вице-адмирала Октябрьского?... – удивленно поглядел на подчиненного генерал-майор Моргунов.

– Никак нет, товарищ комендант Главной базы. Во время совещания с участием товарища Сталина, зам. наркома ВМФ и комфлота было определено, что моя Тридцать пятая батарея назначается лидерной по освоению новейшего вооружения. Поэтому настоятельно прошу, чтобы ее довооружили хотя бы четырьмя спаренными 37-миллиметровыми автоматами в открытых корабельных установках.

– На чье имя рапорт?..

– На имя народного комиссара промышленности. И возможно – в НКВД.

– Вот как – ни больше ни меньше?... – На лице генерал-майора читалось желание «вывернуть мехом внутрь» строптивного подчиненного, который и так уже доставил немало «геморроя» – говоря далеким от сантиментов флотским языком.

– Петр Алексеевич, батарея капитана Лещенко – лучшая по результатам боевой подготовки, – заступился командир 1-го артдивизиона береговой обороны майор Радовский.

– И вот еще официальное письмо на имя инженера Опытного конструкторского бюро № 1 Серго Лаврентьевича Берия, – продолжил Алексей.

– Вот как... Не знал... – генерал-майор вопросительно посмотрел на командира батареи поверх листка рапорта.

– Ну как же, Серго Лаврентьевич, сын зампреда Совета народных комиссаров СССР, приезжал к нам еще в феврале и в марте этого года. Для наладки радиолокационной... и другой аппаратуры. Кстати, неплохой парень, компанейский и не «выделялся» своим положением, – доверительно сообщил Алексей.

– Ну раз так, то – хорошо. Давай рапорт, капитан, передам его дальше по инстанциям. Но смотри, у нас с четырнадцатого по восемнадцатое июня – большие учения, будет задействован весь Черноморский флот, за ходом учений будет наблюдать вице-адмирал Октябрьский. Готовятся, кстати, и артиллерийские стрельбы береговых батарей. Так что, капитан Лещенко, и ты тоже готовься, – сказал комендант Севастопольской военно-морской базы.

– Переживать нужно не за четырнадцатое – восемнадцатое, а за двадцать второе июня... – Алексей задумчиво обронил непонятную для генерал-майора Петра Моргунова фразу.

– Это ты о чем, капитан?

– Считаю, товарищ генерал-майор береговой службы, что готовым к отражению удара врага нужно быть готовым всегда.

– Что ж, похвально, капитан. Свободны.

– Есть!

* * *

Нежданно-негаданно ставший командиром батареи Алексей действительно познакомился с сыном Лаврентия Берии, когда тот приезжал во главе бригады инженеров для наладки электронного оборудования 35-й батареи. Серго Лаврентьевич был обычным парнем, без всякого лоска и вызова. Работал наравне со всеми, увлеченно.

Алексей быстро сдружился с молодым инженером, ненавязчиво дал несколько рекомендаций по решению тех или иных проблем в настройке радиоэлектроники. Серго Берия оценил знания и научную эрудицию командира батареи капитана Лещенко. Их сдружили общие интересы, знания и профессионализм.

На батарее молодые инженеры и ученые выполняли наладку первой отечественной радиолокационной станции управления артиллерийской стрельбой и одновременно обучали офицеров работать на новой сложной технике. Ведомство, к которому долгое время относился Лаврентий Павлович Берия, как раз курировало все научно-технические вопросы особой секретности: ракетостроение, создание реактивной авиации, отечественной электроники и радиотехники, а также советский атомный проект.

В помещении Центрального поста управления артиллерийской стрельбой в железобетонном массиве второй башни находилась отдельная комната. На массивной бронированной двери, запирающейся на кремальерный замок, установлена табличка: «Аппаратная. Посторонним вход воспрещен». Доступ сюда имели только командир батареи, его заместитель и еще трое офицеров боевого управления. Внутри тесной каморки на амортизационной платформе были установлены стойки и шкафы с аппаратурой и большими электронными лампами. А все вместе это являлось первой в СССР электронно-вычислительной машиной.

У истоков советской электроники, в 1941 году стоял гений, кандидат физико-математических наук, кандидат технических наук и профессор в области аэродинамики, видный математик Мстислав Всеволодович Келдыш. Именно как математик он и занимался развитием отечественной электроники и вычислительной техники. А еще – он работал в Центральном аэрогидродинамическом институте, знаменитом ЦАГИ, кузнице ракетостроения СССР.

Неизвестно, какими путями, но разработки англичан, которые годом раньше – в 1940-м – ввели в эксплуатацию первую ЭВМ для взлома кодов немецких военных моряков, попали в Советский Союз. Итогом работы стал первый в СССР и вообще в мире электронный баллистический вычислитель. В принципе это не был компьютер в его «классическом» понимании. Скорее – это был счетно-решающий блок. Но даже такой громоздкий, ламповый, электронный вычислитель, компьютер позволил артиллеристам существенно увеличить точность обработки прицельных данных и ускорить выдачу параметров стрельбы мощной бронебашенной батарее.

Особенно важны были точные параметры стрельбы на дальние и сверхдальние дистанции. Аппаратура была новейшей и сверхсекретной, поэтому и меры безопасности на 35-й батарее введены достаточно строгие.

Кроме электронного, на радиолампах счетно-решающего блока, на батарее и был установлен и более традиционный – электромеханический прибор управления артиллерийской стрельбой.

* * *

37-миллиметровые спаренные зенитки в корабельном исполнении все же пришли через неделю. А вместе с ними – и краснофлотцы-зенитчики во главе с молодым лейтенантом. Они были из команды одного из ремонтировавшихся в Севастополе боевых кораблей. Алексей при-

казал поставить их на довольствие и включить в штатное расписание батареи. Матросы своими силами установили скорострельные зенитки как раз к началу больших флотских маневров.

С 14 по 18 июня 1941 года прошли учения корабельной группировки, авиации Черноморского флота и береговых батарей по отражению вражеских морских десантов. И как всегда на «отлично». Бронебашенная 35-я батарея тоже отстрелялась на оценку «отлично», все же не зря комбат муштровал своих подчиненных на тренировках. Но отнюдь не достижение высоких показателей на учениях волновали сейчас «попаданца» Алексея Лещенко, ставшего по невероятной прихоти судьбы и обстоятельств командиром батареи. Впереди была самая страшная дата, и к ней Алексей, прошедший ад войны на Донбассе в 2014 году, должен быть готов. Просто – обязан!

Глава 5

Последние дни мира

Как начинается война?

Военный пенсионер, подполковник в отставке Лещенко, который пережил ад 2014 года в Донецке, знал, как это происходит. Еще вчера была смутная надежда на мир, на то, что все решится как бы само собой... А уже сегодня – гремят выстрелы и раздаются взрывы по злой воле того, кто напал на родную землю. И не важно, какие это фашисты – гитлеровцы или бандеровцы. Потому что та война, которая началась на глазах донецкого студента-физика, всего лишь продолжение другой войны – самой масштабной в современной истории. Вероятно, именно поэтому так легко сознание советского офицера – ветерана Афганистана, воевавшего за республику на Светлодарской дуге, перенеслось в 1941 год. Хотя это тема скорее для будущих специалистов по квантовой механике или теории относительности Альберта Эйнштейна. Или же для всякого рода оккультистов и прочих прорицателей.

Сейчас Алексей с абсолютной ясностью осознавал одно – нужно не допустить катастрофы Севастополя, города, который он знал и любил. Он сделает все, чтобы переломить ход истории, направить могучий поток энтропии в совершенно иное русло. Под силу ли это человеческому разуму? Алексей не собирался ставить масштабный эксперимент – он намеревался воевать за свое Отечество.

* * *

Корабли Черноморского флота вернулись с больших маневров 20 июня 1941 года. Как всегда, на Графской пристани играл сияющий медью оркестр, капитанам крейсеров и линкора «Парижская Коммуна» поднесли традиционных жареных поросят. По кораблям объявили приказ принимать на борт боекомплект и пополнять припасы. Потом офицеры в белых парадных кителях и при кортиках сошли на берег, команды получили долгожданные увольнительные.

Отправился в Севастополь и командир 35-й батареи, отпустив на сутки личный состав в увольнительные. «Пусть наслаждаются последними мирными днями», – с фатализмом подумал Алексей. Он переоделся в парадную форму и тоже решил отправиться в Севастополь, любимый белокаменный город, где с Графской пристани открывается вид на бухту со стоящими на якорях боевыми кораблями.

* * *

На площади Нахимова в центре города на пьедестале возвышалась статуя Ленина с четырьмя фигурами вокруг постамента – матроса, крестьянина, рабочего и солдата. Алексею, современнику из Донецка 2014 года, было как-то не по себе от этой скульптурной композиции. Но дело в том, что памятник адмиралу Нахимову был демонтирован в 1928 году как слуге царя. А в 1932 году на его месте был установлен памятник Ленину.

Алексей лишь помнил, что старый дореволюционный памятник легендарному русскому адмиралу был повернут спиной к городу и лицом к морю. Нахимов как бы прикрывал собой Севастополь от неприятелей.

Но вот белокаменная колоннада Графской пристани с величественными мраморными львами была на привычном месте. Слева, если стоять лицом к бухте, в «ракушке» летнего театра играл оркестр. Алексей неторопливо прошелся по площади, спустился по широким ступеням к воде. Черноморские волны ласково плескались у ног. От пристани отчалил паро-

вой катер, перевозящий пассажиров на Северную сторону. Дальше на бочках стояли красавцы-крейсера и эсминцы. Громада линкора «Парижская Коммуна» с характерным изгибом передней дымовой трубы подавляла своими величественными размерами, в плоских башнях зачехленные дремали двенадцатидюймовые орудия, такие же как и на Тридцать пятой бронебашенной батарее.

Алексей постоял немного, а потом поднялся по лестнице и вышел на площадь. Он раздумывал, куда бы пойти, когда ветер сорвал с головы молодого офицера фуражку. Чертыхнувшись, Алексей погнался за «строптивым» головным убором. Фуражка упала рядом с компанией девушек в военной форме. Одна из них подняла ее и передала в руки подбежавшему Алексею.

– Аккуратнее надо быть, товарищ капитан, – с улыбкой заметила девушка, поглядев на петлицы офицера. В ее светло-карих, янтарных, слегка миндалевидных глазах мелькали озорные искорки. Волосы цвета воронова крыла были заплетены в тугую косу и уложены на затылке. Смуглая кожа, чуть скуластое лицо, прямой, чуть вздернутый нос и полные губы помимо воли притягивали взгляд. А вот в петлицах светились рубином лейтенантские «кубари».

Подруги тихонько засмеялись. По виду – совсем еще девчонки, но с сержантскими треугольниками в петлицах. Шитая на заказ военная форма ладно обтягивала тонкие точеные фигурки, из-под синих форменных беретов выбивались непокорные локоны.

Алексей ответил несколько растерянной улыбкой.

– Что ж, спасибо, что сохранили мне уставной вид, – пошутил он. – Теперь разрешите угостить всех вас мороженым.

– Что ж, я не против, – улыбнулась девушка.

– Карина, спасибо, что обеспечила нас угощением! – рассмеялась одна из подруг.

– Что ж, теперь я знаю ваше имя, поэтому позвольте представиться – Алексей Лещенко, артиллерист. – Надев фуражку, офицер шутливо козырнул. – Смотрю, у вас троих эмблемы войск связи?..

– Да, мы служим в зенитном дивизионе, во взводе связи.

– По-моему, легкое летнее платьице вам пошло бы гораздо более, чем строгая военная форма, но и в ней вы выглядите восхитительно. А как зовут подружек?

– Ира, – представилась девушка с веснушками и короткой огненно-рыжей прической.

– Елена, – подала тонкую руку высокая стройная блондинка.

Алексей наслаждался мороженым, атмосферой веселья, приятным обществом девушек. В какой-то момент подружки упорхнули искать кавалеров, и молодой офицер остался с Кариной наедине.

Они вместе гуляли по улицам, паркам и скверам Севастополя, Алексей рассказывал девушке разные истории о судьбе этого уникального города, в который и сам был влюблен. Карина же о себе рассказывала мало, больше слушала, а молодой офицер увлекся, вспоминал какие-то интересные факты – ему помогала эрудиция историка из его второго образования в «прошлом-будущем», Донецке начала XXI века.

Алексей узнал только, что она местная, из Севастополя. Решила пойти служить, потому что считала – нужно уметь защитить свой любимый город.

– Странно, Карина, но это ты должна мне рассказывать о своем родном Севастополе...

– Нет-нет, Алеша, ты так увлеченно говоришь, приятно узнать, что человек, не будучи коренным севастопольцем, столько знает об истории моего прекрасного города. Это действительно большая редкость. А откуда ты родом?

– Я родился в Мариуполе, потом учился в Доне... в Сталино.

– О, Мариуполь ведь тоже морской город!

– Вы не против, если мы пойдем, перекусим в кафе или в ресторан? А то я, признаться, голоден.

– Хорошо, – пожала плечами девушка.

Алексей взял ее под руку, Карина не сопротивлялась. Только как-то совсем уж по-взрослому поглядела на него. Алексей понял этот предупреждающий, осторожный взгляд и старался вести себя с девушкой сдержанно. Все-таки эта эпоха очень сильно отличалась от той, современной, в которой довелось родиться и жить уроженцу Донецка конца XX – начала XXI века. И с девушками тоже обращение должно было быть соответствующее. Тут, в 1941 году, за пару дней до начала Великой Отечественной войны, они были... требовательнее к мужчинам, что ли... Не терпели фальши, того, чем пропитано было современное Алексею общество. И то, против чего в том числе восстал Донбасс весной 2014 года. Так что молодому человеку одновременно было и проще, и тяжелее общаться с Кариной.

В ресторане Алексей настоял на том, что платит он, Карине было приятно такое внимание, и все же девушка поначалу настороженно отнеслась к ухаживаниям капитана-артиллериста. Карина оказалась гордой и независимой девушкой, но все же, видя его искренность, она «оттаяла».

Выйдя из ресторана, они отправились на танцплощадку возле «ракушки» летнего театра. Хмельной летний севастопольский вечер закружил их в вальсе. Глаза девушки загадочно сияли, Алексей ощущал ее дыхание, пьянящий аромат и был на седьмом небе от счастья.

– Карина, я хотел, чтобы этот вечер и этот танец длились целую вечность, – сказал Алексей и сорвал с чувственных губ девушки первый поцелуй.

Она сначала напряглась, как струна, но офицер чуть отстранился и провел ладонью по иссиня-черным роскошным волосам девушки. Синий форменный берет упал к их ногам.

– Знаешь, Карина, у меня такое чувство, будто бы я знаю тебя уже много лет. Мне очень легко с тобой... И поверь, я не сделаю тебе ничего дурного...

– Я верю. – Карина внимательно поглядела на молодого офицера своими чарующими янтарно-карими глазами. На этот раз поцелуй был крепче и дольше.

Ни с чем не сравнимый вкус губ девушки вскружил Алексею голову, упругое молодое тело под его ладонями было исполнено удивительной грации и силы, словно это была молодая пантера.

– Уже поздно. – Карина отстранилась, тяжело дыша. – Я обещала подругам встретиться на Графской пристани.

– Хорошо, я провожу тебя. – Алексей поднял синий форменный берет и передал девушке.

– Не надо, а то они невесть что подумают.

– Я хотел бы с тобой встретиться, Карина.

– Когда мы увидимся? – девушка поправила растрепавшиеся волосы и надела берет.

«В шесть часов вечера после войны», – чуть было не ляпнул Алексей, но сдержался. Был такой художественный фильм, снятый в 1944 году режиссером Иваном Пырьевым. Точнее, этому фильму еще только через долгих три года предстояло выйти на киноэкраны и покорить сердца зрителей. Кстати, там как раз были показаны судьбы артиллериста и зенитчицы. Да и сама Победа была предсказана верно – в мае.

– Если хочешь, давай увидимся завтра.

– Хорошо, у меня завтра нет дел, к тому же – выходной. Давай встретимся здесь, на Графской пристани. – Карина по старинке назвала переименованную Совфлотовскую пристань.

– Хорошо. – Алексей задержал в своих руках тонкую ладонь девушки. – До свидания, Карина.

* * *

Вернувшись на батарею, Алексей крепко задумался. Встреча с девушкой уже сейчас могла перевернуть всю его жизнь. Конечно, у Алексея были подружки еще в той жизни, до

нежданно-негаданного «попаданчества» – студентом в Донецке «образца 2014 года». Учась на физическом факультете и получая второе высшее образование историка, он жил в университетском общежитии. И конечно же, крутил романы. Но никогда Алексей и подумать не мог, что одна только встреча способна так круто повлиять на судьбу. Да еще и что за встреча – всего за пару дней до начала Великой Отечественной войны!

Но сейчас об этом знал только он, а уже послезавтра из сообщения Левитана об этом узнают миллионы людей – и не только в огромном Советском Союзе, но и по всему миру.

И все же он не мог, да и, если признаться, не хотел не думать об удивительной девушке, которую встретил на главной площади Севастополя. Ее янтарно-карие, чуть миндалевидные глаза, улыбка, выбившийся из-под строгого форменного берета локон цвета воронова крыла постоянно вставали перед мысленным взором Алексея.

Мог ли он рассчитывать на взаимность со стороны Карины? Алексей в очередной раз подошел к зеркалу в своей командирской каюте, провел ладонью по гладко выбритым щекам. Вгляделся в собственное – изрядно помолодевшее отражение. Из зеркальной плоскости на него смотрели все те же внимательные глаза с прищуром – привычные вглядываться в даль. Тонкий нос с горбинкой на широком лице, упрямо сжатые губы, ямочка на чуть удлиненном подбородке. Темные, коротко стриженные волосы еще не тронула седина. Но она обязательно появится – и совсем скоро...

Алексей решил – раз уж так сложилось, что он встретил здесь эту удивительную девушку, то будь что будет. От Карины он не отступится, даже если между ним и девушкой встанет сам генерал-полковник фон Манштейн!

* * *

Субботний день 21 июня 1941 года выдался солнечным и теплым. В выходные на батарее оставались только вахтенные во главе с дежурным офицером. Командный состав в большинстве своем остался ночевать в Севастополе, а матросам разрешили увольнение в город. Алексей распорядился, чтобы увольнительные предписания выдали всем. Он знал, что долгие годы войны те из них, кто уцелеет, будут помнить именно эти – последние дни мирной жизни. Сам же командир батареи отправился на Графскую пристань.

По пути он купил у торговки большой букет роз. Цветы были шикарными, но и стоили недешево. К тому же торговка, прикинув опытным взглядом парадный мундир и кортик офицера, чуть задрала цену – совсем «по-божески». И не ошиблась.

Карина выпорхнула из-за белокаменной колоннады, словно античная богиня победы Ника – в белом платье, с выющимися черными локонами. Лучики солнца зажигали в ее янтарно-карих глазах искры.

Алексей в белом парадном мундире при золоченом кортике шагнул навстречу и нежно обнял девушку. Его «орлиная внешность» резко контрастировала с мягкими, женственными чертами ее лица.

– Здравствуй, Карина. – Он передал девушке букет и, не удержавшись, обнял и поцеловал.

– Здравствуй, спасибо за цветы, они такие красивые! – но тут же девушка добавила строже: – Только не надо меня целовать и обнимать так откровенно, здесь же люди ходят.

– Извини. – Алексей мысленно обругал себя последними словами.

Все же здесь, в этом мире и в этом времени, нравы были совершенно не те, к каким привык «попаданец» из Донецка «образца 2014 года». Нет – вопреки расхожему мнению, в СССР секс был, как и в любом другом нормальном обществе. Но все же отношения между мужчиной и женщиной регламентировались гораздо более жестко. Кстати, и в США, и Европе сороковых годов нравы также отличались почти пуританской сдержанностью. Ведь до «вели-

кой сексуальной революции» шестидесятых годов оставалось еще без малого два десятилетия. А в Советском Союзе, как это ни странно, общественные нравы были более демократичны, чем в западных странах. Женщины в СССР сороковых годов были более эмансипированы и независимы от мужчин. Конечно, это касалось жительниц больших городов, в селах и в маленьких «уездных городках» все еще царил патриархальный уклад жизни.

Но Севастополь маленьким городом отнюдь не был, к тому же южный темперамент, как в случае с Кариной, накладывал весьма существенный отпечаток на характер девушки.

– Куда пойдем?.. – спросил кавалер в парадном мундире.

– Давай посмотрим панораму «Оборона Севастополя», – попросила девушка.

– Хорошо, пошли. Мороженого хочешь?

– Да, а то жарко сегодня.

Неспешно прогуливаясь, офицер в парадном мундире и при кортике и смуглолицая, с черными вьющимися волосами девушка в белом платье поднялись по Большой морской улице к Историческому бульвару. Само круглое здание панорамы было расположено на одном из исторических мест – на Четвертом бастионе, том самом, где воевал и сам автор «Севастопольских рассказов», молодой, 28-летний артиллерии поручик Лев Толстой.

Поднявшись в смотровой зал, Алексей и Карина замерли, разглядывая огромное живописное полотно Франца Рубо. Сюжетом картины стал самый яркий эпизод эпопеи обороны Севастополя – бой на Малаховом кургане, который состоялся шестого июня 1855 года. В этот день 75-тысячная русская армия успешно отразила натиск 173-тысячного англо-французского войска.

– Как же это страшно и завораживающе, – тихо сказала Карина. – Я часто прихожу сюда, смотрю на эту панораму и задаю себе вопрос: а могла бы я сама вот так же самоотверженно защищать свой любимый город?..

– Карина, я уверен, что смогла бы, и как раз это меня пугает больше всего, – ответил Алексей.

Он уже воевал добровольцем за свою столицу непокорного и непокоренного Донбасса. Осваивал трофейные гаубицы бандеровских карателей там, в Донецке «образца 2014 года», «попаданец» знал, насколько это страшно – видеть смерть своих товарищей и постоянно рисковать своей жизнью. А уж переживать за родных, обычных гражданских людей – этого и врагу не пожелаешь!.. Война уродлива и страшна, но воевать приходится, чтобы защитить свою родную землю, свой дом, свою семью, будущее. Просто саму возможность думать об этом будущем, строить планы, мечтать... На войне, как правило, живут одним днем, надолго не загадывают, ведь слишком много существует неожиданных факторов – от банального «дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону» до случайной пули или осколка близко разорвавшегося вражеского снаряда. Что, собственно, и произошло с Алексеем тогда – на автобусной остановке в январе 2015 года.

В зрительном зале панорамы «Оборона Севастополя» было довольно много посетителей, но Алексей с Кариной остались будто бы одни, они не слышали и не видели никого, кроме друг друга. Молодой офицер – «попаданец» из другого мира вдруг со щемящей ясностью осознал, что у него нет никого ближе и роднее этой удивительной девушки на всем белом свете. И теперь он постоянно будет тревожиться и переживать за нее. Алексей обнял Карину, теперь уже более решительно. Она попыталась было отстраниться, но посмотрела в его глаза и вдруг с нежностью провела ладонью по щеке Алексея.

– Тебя что-то тревожит?..

– Нет, все нормально, – помедлив, ответил офицер.

* * *

Своей уникальной «памятью попаданца» он знал, что уготовано огромной стране, его Родине, и всему миру в ближайшие пять лет. В воздухе и так «пахло порохом», в 1940–1941 годах только и разговоров было, что о новой войне. Но никто из жителей огромного СССР и предположить даже не мог, какие суровые испытания обрушатся в одночасье на страну, привольно раскинувшуюся на одной шестой части суши.

Но говорить ли об этом Карине?.. Девушка того и гляди примет его за сумасшедшего.

Да и кто поверит, ведь собирались воевать «малой кровью и на чужой территории». Об этом были предвоенные книги и фильмы – как Красная Армия, вооруженная лучшим в мире марксистско-ленинским учением, наносит сокрушительный удар по «империалистическим агрессорам». Об этом говорилось и в «батальонном фильме на хроникальном материале» (так в титрах) «Если завтра война...». Этот фильм, кстати, был рекомендован к просмотру всем командирам и солдатам Красной Армии как пример тактических действий.

А что касается Черноморского флота, то как раз до маневров, которые прошли с 14 по 18 июня 1941 года, на 35-й батарее крутили кинофильм режиссера Владимира Брауна «Моряки». Кинокартина была снята в 1939 году. Фактически это был «морской вариант» фильма «Если завтра война...» Неизвестный враг вторгается в советские территориальные воды, потоплен мирный пассажирский пароход «Енисей». Последняя открытая радиограмма с борта гибнущего судна: «Без предупреждения взорван вражеской подводной лодкой. Прощайте, товарищи! Привет Родине! Капитан Зернов». Сначала эскадру неприятеля «империалистической державы» атакуют скоростные торпедные катера, потом подводные лодки. Но решает все генеральное сражение линкоров и крейсеров в сопровождении эсминцев. В этом бою советский линкор «Кремль» (так в кинокартине назван линкор «Парижская Коммуна») топит флот неприятеля в классической артиллерийской дуэли.

А как же иначе? Ведь Красная Армия – всех сильнее, а на Черном море советский Военно-морской флот – самый мощный. Причем это отнюдь не ирония, и не «послезнание», которое характерно для «попаданца» Алексея из Донецка начала XXI века.

Совсем недавно, в 1939 году, к территории Советского Союза были присоединены Западная Беларусь и Западная Украина. А в 1940 году состоялся освободительный поход на Буковину и Бессарабию. Румынской стороне со стороны СССР был предъявлен ультиматум, а потом на эти спорные территории, аннексированные Румынией после Гражданской войны, зашли подразделения Красной Армии, были высажены парашютные десанты.

По аналогии с Крымской весной 2014 года это событие, по мнению «попаданца» Алексея, можно было смело называть Сталинской весной! Правда, состоялось присоединение Буковины и Бессарабии к СССР все-таки летом. Но тем не менее Красная Армия казалась нерушимой, а с запада на «старой границе» СССР ударными темпами строился самый протяженный в Европе укрепрайон, так называемая, линия Сталина». Протяженность укреплений от Карельского перешейка до берегов Черного моря составляла 1800 километров укреплений и железобетонных огневых точек. А в трехстах километрах западнее уже начали возводить еще более мощную «линию Молотова». Кто поверит, что уже завтра на Советский Союз пойдут полчища угловатых, пока еще слабых, но быстрых танков с крестами на башнях. Что немецкий генерал-полковник, а впоследствии – фельдмаршал Паулюс дойдет аж до Волги, а другой фельдмаршал – фон Манштейн, фактически сотрет Севастополь с лица земли.

«Проклятие Кассандры» – все знаешь, но не можешь рассказать. Или же – «парадокс попаданца», как определил для себя Алексей. Практически то же самое – да, он встречался на бронебашенной батарее с товарищем Сталиным, успел за такой короткий срок подружиться и с Серго Берия. Но выслушали бы они его, если бы обыкновенный капитан береговой

службы начал рассуждать о военно-политических процессах европейского и общемирового масштаба?! Уволили бы с командной должности, как опасного психопата – и все дела!

Да он бы сам такого «всезнайку» уволил бы! Кто знает, может, у подобного индивида «перемкнет» что-то в мозгах, да и пальнет он по Главной базе Черноморского флота из четырех «двенадцатидюймовок»!..

* * *

Карина будто почувствовала смятение молодого офицера. Девушка взяла его под руку и увлекла к выходу.

– Я проголодалась! – с обезоруживающей улыбкой заявила Карина.

– Держим курс на ресторан! – рассмеялся Алексей.

В небольшом уютном ресторанчике на Большой морской улице негромко играл пианист. В бокале играло всеми оттенками вино «Рубин Херсонеса» – чуть терпкое, освежающе-прохладное.

Янтарно-карие глаза Карины в полумраке будто бы светились изнутри. Алексей в очередной раз залюбовался девушкой: чуть скуластое, смуглое лицо, слегка вздернутый прямой нос, чувственные губы, миндалевидный разрез глаз. Волнистые черные волосы заплетены в тугую косу. Крым и Черное море издавна были колыбелью цивилизаций. Смешиваясь, воюя и торгуя, они и подарили миру таких удивительных женщин – стройных и грациозных, утонченных и сильных, нежных и смелых.

Девушка поймала взгляд Алексея и несколько смутилась.

– Карина, я поднимаю этот бокал за тебя, за твою красоту, изящество, нежность... И ту силу и смелость, которая тоже в тебе есть. До встречи с тобой я даже и не знал, что такие девушки существуют на белом свете!

– Ой, Леша, ну ты просто осыпал меня комплиментами, – рассмеялась девушка.

С Кариной было легко, весело и беззаботно. Они оба были офицерами, знали, что такое служба, и поэтому еще сильнее ценили краткую свободу увольнительной на пару дней. Сегодня замечательный субботний вечер, завтра – выходной. Ну а послезавтра – уже на службу. И потому они сейчас кружились в вальсе, Алексей прижимал к себе Карину, вдыхал тонкий аромат ее духов, наслаждался близостью грациозного тела под тонкой тканью белого летнего платья...

Потом они целовались на лавочке в вечернем парке. Когда Алексей легонько сжал грудь девушки в своей ладони, она глухо застонала и еще сильнее прильнула к нему. Но вот дальнейшие поползновения Алексея были пресечены быстро и решительно. Что ж, он и не стремился получить сразу все, наслаждаясь нежностью и чувственностью молодой девушки.

* * *

Пришло время расставаться, Карине еще нужно было заехать домой, хорошо еще, что она жила рядом с зенитной батареей, где служила. Долгие и страстные прощальные поцелуи, недопитая нежность и чувственность губ...

Алексей все же решил. Он отстранился и серьезно посмотрел на Карину.

– Завтра начнется война. Карина, просто послушай, загляни к родителям и отправляйся на свою зенитную батарею. В полночь весь Черноморский флот будет переведен в боевую готовность № 1.

– Ты что – шпион?.. – удивилась девушка.

Но что она еще могла подумать об Алексее?.. Ясно, не правду – что он каким-то невероятным образом перенесся из другого мира и из другой войны на Светлодарской дуге зимой 2015 года!

– Карина, просто послушай меня и сделай, как я говорю. Я люблю тебя, полюбил за эти два дня, которые теперь мы будем помнить долгие годы, как самые счастливые. Вся наша страна будет помнить! – Алексея буквально «прорвало»! Он хотя бы ей хотел рассказать то, о чем не решился заговорить с самим товарищем Сталиным...

– Но как же так... С кем – война?..

– С Германией. С Третьим рейхом.

– Но ведь у нас подписан мирный договор, мы сотрудничаем с немцами...

– Послушай, ты – связист, командир взвода связи зенитной батареи. Как только около полуночи передадут приказ о боеготовности номер один, знай – началась война! Никому об этом не говори, чтобы не вызвать подозрений. А то и тебя могут «загрести» как шпиона и «врага народа».

– Да я понимаю, что нужно помалкивать... – Карина была явно растеряна. – Но хоть маме, родителям...

– Родители и так узнают, из радиосообщения. У вас радио есть?..

– Конечно.

– Ну, вот пусть слушают. – Алексей немного помолчал. – Все, Карина, будет возможность – свидимся. Но знай, я люблю тебя.

Алексей еще долго стоял и смотрел на пассажирский пароходик, который шел на Северную сторону, увозя Карину. Девушка стояла на корме и неотрывно смотрела на него. Потом вдруг взмахнула рукой – как чайка крылом. В сумраке июньской ночи остался только лишь ее размытый белый силуэт, подсвеченный ходовыми огнями парохода.

Алексее вдруг вспомнились щемяще-пронзительные стихи Редьярда Киплинга:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.